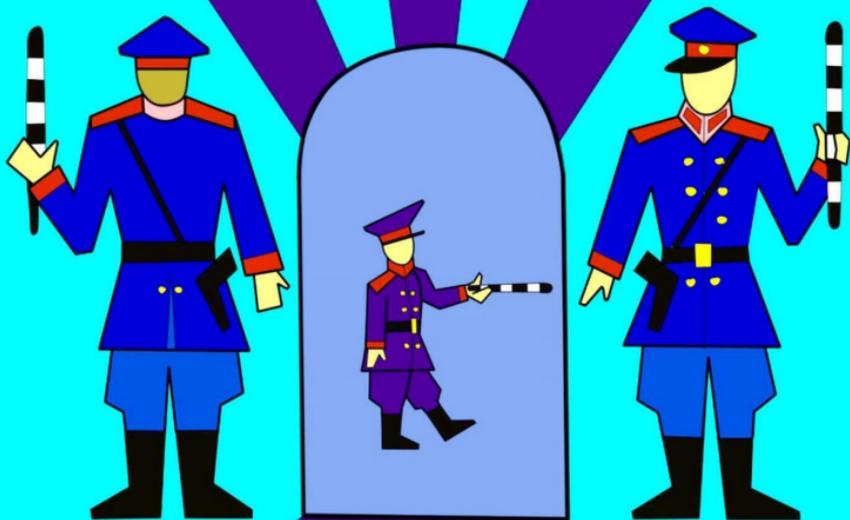

САМУИЛ БАБИН

БУМЕРАНГ

52 - 22 - 52

Самуил Бабин

Бумеранг 52-22-52

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68775432

SelfPub; 2023

Аннотация

История о том, как не преданные суду подлости прошлого прорастают в настоящем. Один из героев – современный, протестный. Другой – мент, составляющий на первого протокол задержания. Деда второго приговорили по доносу, и он знает, кто в этом виноват. Первый становится обладателем волшебных витаминок, позволяющих перемещаться во времени. Второй разрабатывает план мести за деда и предлагает вернуть виновных во времена тирана. А они уже в наше время достигли высоких постов. И благодаря подруге первого это удастся сделать. Она становится главным исполнителем. Но вопрос остается открытым – как остановить возвращение этого бумеранга из прошлого. Один из героев находит для себя это решение.

Самуил Бабин

Бумеранг 52-22-52

Соломон дремал, сидя на узкой, деревянной лавочке, в камере предварительного заключения, в простонародье «обезьянник», куда его и еще с десятка два, таких же молодых ребят, привезли вчера поздно вечером в автозаке. Их забрали синие омовцы на городской площади у памятника Ушкину, куда они вышли с плакатами в поддержку одного яркого оппозиционного лидера, над которым вчера проходил суд в районном Басурманском суде, приговорившего его к тюремному заключению. В «обезьяннике» места было мало и народ устраивался сидя на узких нарах, прислонившись к стене или просто сидели на полу. Периодически приходили двое полицейский и выкрикнув фамилию, уводили с собой кого ни будь к следователю для снятия показаний. К утру, когда камера опустела, Соломон перебрался на лавку и только стал засыпать, как решетчатая дверь с грохотом открылась и полицейский выкрикнул его фамилию. Он встал и чуть пошатываясь, еще не отойдя ото сна, вышел из клетки. Один из полицейских крепко взял его под руку и проведя по длинному, слабоосвещенному коридору, остановился возле оббитой дерматином дверью с цифрой «5».

– Проходи, – полицейский открыл дверь и подтолкнул Соломона рукой в спину.

Это был небольшой кабинет, с выкрашенный непонятно-го цвета масляной краской стенами и небольшим подслеповатым окошком под самым потолком. Внизу, под окошком стоял облезший стол, за которым сидел, молодой полицейский, с заспанным лицом, в чине лейтенанта. На столе, высокой стопкой лежали бумажные папки с надписью «Дело». Такая же папка, только открытая, лежала перед лейтенантом, рядом с прозрачным пластиковым пакетом, с личными вещами Соломона, которые забрали у него полицейские, когда доставили в отделение.

– Гурвич, – произнес фамилию Соломона, конвоир и вышел за дверь.

– Садись, – произнес, устало зевая лейтенант, указав пальцем на стоящий перед столом табурет.

Соломон сел и чуть подавшись вперед, прочитал нашивку на кителе лейтенанта, Филимонов С.С.

Лейтенант чуть приоткрыл пакет и порывшись внутри, достал студенческий билет и развернув его, прочитал:

– Гурвич Соломон Игоревич. Студен третьего курса биологического факультета. Правильно? – И он, преодолевая зеvоту, посмотрел на Соломона.

– Он, самый, – кивнул Соломон.

– Хорошо, – лейтенант отложил в сторону билет и достал из папки заполненный на компьютере типовой бланк и стал читать с безразличным выражением лица: «Гурвич С.И. в составе группы молодых людей, принимал участие в несанк-

ционированной акции на Ушкинской площади, мешая проходу граждан и создавая проблемы в работе коммунальных служб. На неоднократные требования сотрудников правоохранительных органов разойтись, группа молодежи, отказалась покинуть площадь. В результате было произведено задержание, и Гурвич С. И. препровожден в 116 отделение полиции. Сопротивление при этом не оказал и согласно такой-то статьи кодекса об административной ответственности на него составлен настоящий протокол о возбуждении административного дела, для передачи в суд Кушкинского района»

Закончив читать, лейтенант сделал небольшую паузу и положил перед Соломоном протокол, пододвинул шариковую ручку: «Прочитай внимательно еще раз и подпиши».

– Ничего я подписывать не буду, – покачал головой Соломон, слегка усмехнувшись, – Я случайно там проходил и ни в каких акциях участие не принимал.

Это было уже не первое его задержание на подобных акциях, и он знал, как вести себя в подобных случаях.

– Можешь внизу напиши с чем несогласен. А то ведь до вечера здесь просидишь, – зевнул и потянулся лейтенант Филимонов.

Соломон взглянул на протокол, но подписывать не стал.

– Кстати, там девчонка твоя на улице уже часа три мерзнет, тебя дожидается, – безучастным голосом произнес лейтенант, – А мороз то, уже градусов пятнадцать.

– Что за девчонка, – нахмурился Соломон.

– Понятия не имею. Но говорит, что не уйдет, пока тебя не выпустят, – испытывающие посмотрел на него лейтенант, – Маруся кажется.

– Хорошо, – Соломон подвинул к себе протокол и написав «С протоколом не согласен», поставил подпись и подвинул листок лейтенанту.

– Сразу видно профессионал. Не первый же раз залетел к нам, – ухмыльнулся лейтенант, пряча протокол в папку и пододвигая Соломону пакетик с вещами, – Проверь, все на месте и распишись в перечне.

Соломон вытряхнул содержимое пакета на стол. Сунув мобильник с ключами и банковскую карту в карман, он, расписался на серенькой бумажке перечня и положил ручку на стол.

– Вопросы имеются, – устало спросил лейтенант.

– Скажи, лейтенант Филимонов, а как ты сюда попал на работу? В смысле, что подтолкнуло, – прищурившись, посмотрел на лейтенанта Соломон.

– На службу, – уточнил Филимонов и откинувшись на спинку стула, заложил руки за голову, сладко зевнул, – Случайно. Я ведь то же на биофак поступал после школы. Но балов не добрал. А в приемной комиссии один мужик посоветовал, что с этими балами меня в школу полиции могут взять. Я и пошел.

– Не жалеешь, – с любопытством посмотрел на него Соломон, – Что не по призванию работаешь?

– А кто по призванию? У меня один товарищ после твоего биофака в автосалоне машины продает. А другой, с трудом в зоопарк устроился, научным сотрудником и чего?

– Да уж лучше в зоопарке, чем ментом.

– Не-е. Ментом лучше, – улыбнувшись, покачал головой Филимонов и загибая пальцы начал перечислять, – Зарплата нормальная, жить можно. Через два года старлея получу. Спецдежда бесплатная. Проезд на общественном транспорте тоже. На пенсию в сорок пять уйду. Все стабильно!

Он что-то еще хотел добавить, но тут дверь распахнулась и в кабинет вошел седоватый майор, в помятом кителе.

– Чего ты тут Филимонов, сопли жуешь. Там еще десять человек в обезьяннике, вот-вот правозащитники с журналистами понаедут, – злобно произнес майор, – До девяти всех оформи, и чтобы духу их тут не было.

– Слушаюсь, товарищ майор, – испуганно подскочил со стула Филимонов, застегивая китель.

Майор еще раз бросил на него гневный взгляд и вышел, громко хлопнув дверью.

– Что мне дальше делать то Филимонов, – в наступившей тишине, спросил Соломонов.

– Свободен. – Филимонов взял со стола замусоленный, картонный квадратик и протянул его Соломону. – Пропуск. Отдашь дежурному на выходе.

– Слушаюсь, – приложил руку к голове, копирую Филимонова, ответил Соломон. – Желаю дослужиться до майора

и выйти на пенсию.

– Да, пошел ты, – беззлобно ответил Филимонов и подняв трубку телефона, стоящего на столе, произнес, – Конвой, следующего веди.

– Не смею отвлекать от любимой работы, – поклонился Соломон и вышел за дверь.

Выйдя из отделения на крыльцо, Соломон увидел прыгающую вниз, с ножки на ножку, пытаясь согреться, девчужку с сигареткой в руке.

– Ты, чего без шапки ходишь, Маруся, – спустился к ней Соломон.

– У меня капюшон, – улыбнулась девушка, приподнявшись на цыпочки и чмокнув его в щеку.

– Тогда надевай, – Соломон протянул руку и набросил капюшон ей на голову.

– Ну, что, как дела, – весело смотря ему в лицо, спросила Маруся.

– Административку, шьют.

– За три административки могут и уголовку завести, – улыбка исчезла с лица Маруси.

– У меня только две пока, – поморщился Соломон, – Да может еще и обойдется.

В это время у него в кармане зазвонил телефон. Соломон вытащил его. На экране высвечивалось слово «Дед».

– Да, привет, – включил телефон на громкую связь Соло-

МОН.

– Ты куда пропал, – раздался в ответ чуть хриловатый голос. – Я тебе звонил ночью, два раза, а ты не ответил.

– Извини дед, спал, не услышал, наверное. А что за необходимость, ночью звонить, – недовольно спросил Соломон.

– Да, приболел я, кажется, – тяжело вздохнул дед.

– Так надо в поликлинику звонить и врача на дом вызывать, – Соломон посмотрел на Марусю и постучал пальцем по лбу.

– Сам ты дурак, – недовольно прошептала Маруся и покрутила пальцем у виска.

– С кем ты там разговариваешь, – в ответ прохрипел Дед.

– С Маруськой, – Соломон показал ей кулак, – Ты вот что, давай вызывай врача. Хочешь я позвоню в поликлинику?

– Не надо никуда звонить, – раздражено ответил Дед.

– А что тогда надо?

– Надо съездить на дачу и привезти оттуда мою аптечку с лекарствами. Я забыл ее там в последний приезд, – устало ответил Дед и добавил, – Я еще пока сам могу себя вылечить.

– Это значит, я с начала должен заехать к тебе домой, взять ключи и поехать на электричке на дачу. Да?

– Соображаешь, – хмыкнул Дед.

– Послушай, Дед. На это, с обратной дорогой займет, часов пять не меньше, – чуть не застонал Соломон, – А врач к тебе придет в течении часа. А еще лучше, – глаза Соломона загорелись, – Ты название скажи своих лекарств и зайду в

аптеку и привезу.

– Сейчас такие лекарства нигде не продают. Я смогу подождать пять часов. Но если, конечно, ты сейчас очень занят, тогда перезвони, когда освободишься, – угрюмо произнес Дед и телефон отключился.

– Ну и что делать, – Соломон вопросительно посмотрел на Марусю.

– Что делать, что делать. Надо ехать к Деду, – укоризненно ответила Маруся.

– Я со вчерашнего вечера еще ничего не ел, – обиженно насупился Соломон.

– По дороге, в Бургер зайдём и купим тебе жвачку. Я, кстати, тоже с шести утра тут торчу, тебя дожидаясь. Все, поехали, – и она, крепко схватив Соломона под руку потащила ко входу в метро.

Дед жил, в старом профессорском доме, недалеко от университета. На входной двери висела уже сильно потемневшая латунная табличка «д.б.н. Профессор Гурвич. С.И.». Соломон нажал кнопку звонка и прислушиваясь, прислонил ухо к двери. Внутри квартиры раздались какие-то звуки и стихли. Он, еще раз нажав кнопку звонка, – Дед, открой, это я.

– Ты, с кем, – спросил глухой голос из-за двери.

– С Маруськой, ты ее знаешь. Мы в одной школе учились.

– Сейчас халат наброшу, – раздались в ответ уходящие,

шаркающие шаги.

– «Д.б.н.», это, что значит, – поинтересовалась Маруся, разглядывая дверную табличку. Она встречалась с профессором, только на его даче, а в городскую квартиру пришла первый раз.

– Доктор биологических наук, – ответил Соломон.

В это время дверная строка распахнулась и перед ними возник Дед, в длинном стеганном халате. Он был высокого роста, с чуть седоватой шевелюрой и классической профессорской бородкой.

– Привет, – улыбнулся Соломон, – Ну, что пустишь, или в дверях будем стоять?

– Проходите, – Дед приоткрыл дверь пошире и отступил в сторону.

– Здравствуйте, Соломон Игоревич, – Маруся следом за Соломоном вошла в достаточно большую прихожую с высокими потолком. – А мы вам, еду привезли, вы же, наверное, голодный, – Она протянула большой бумажный пакет из Бургер Кинга.

– Привет, Маруся, – доброжелательно кивнул ей приветливо Дед, – Проходите на кухню.

Соломон с Марусей, разделись и сняв обувь, прошли по длинному коридору заставленному, с одной стороны, книжными шкапами до потолка и свернули в светлую, просторную кухню, с высоким арочным окном

– Сейчас, чайник поставлю и будем есть вашу целлофано-

вую еду, – зашел за ними Дед и взяв зеленый, эмалированный чайник, стал набирать воду из-под крана в раковине.

– Дед. Что с тобой случилось, – Соломон подошел к окну и встав на табурет, чуть приоткрыл форточку.

– Нездоровится третий день. – Дед включил газовую конфорку на плите и поставив чайник, вытащил из настенного шкафа большое фарфоровое блюдо, протянул его Марусе, – Выкладывай сюда харчи и ставь на стол. Обедать будем.

– Дед, мы уже поели по дороге. И времени в обрез. Сам знаешь, как редко там обратные электричке ходят, – с нетерпением произнес Соломон.

– Ладно. – Дед выключил чайник, вышел из кухни и скоро вернулся со связкой ключей в руке. – Вот, – Он протянул связку Соломону. – Аптечка в серванте. Всю забирай. Я сам разберусь.

– Может давай лучше врача вызовем, – с надеждой посмотрел на него Соломон, – Почему ты думаешь, что они все тупые неучи.

– Не думаю, а знаю, – нахмурился Дед, – Тридцать лет им лекции читал.

– Ты же на биофаке, а не на медицинском читал, – простонал Соломон.

– Поехали, Соломош, – решительно вступила в разговор Маруся, – А вы, Соломон Игоревич, пейте чай и ложитесь. А вечером, мы вернемся, и я настоящий ужин приготовлю. Пошли, – и она, взяв Соломона за руку, потянула его в при-

хожую.

– До вечера, Дед, – крикнул Соломон, выходя на лестничную площадку, захлопывая дверь. Он посмотрел на Марусю и предложил, – Слушай, может я один смотаюсь. Чего ты будешь мерзнуть.

– Пошли, – категорично ответила Маруся, разворачивая его к лестнице, – Как же с вами тяжело.

– С кем с нами?

– С Соломонами. И надо же было такое имя придумать.

– А тебе какое больше бы понравилось, – весело спросил Соломон.

– Калистрат, – засмеялась Маруся, сбегая вниз по ступенькам.

Они прошли от станции, до дачного поселка километра три по шоссе и свернули на сельскую, расчищенную от снега дорогу ведущую к дачному участку Деда. Сам дом, двухэтажный, бревенчатый, стоял в глубине, за забором-штaketником, среди высоких, корабельных сосен, а весь участок перед ним был покрыт метровым слоем снега.

– Как же нам к дому пробраться, – присвистнул Соломон.

– Может, у кого лопату попросить, – оглянулась по сторонам Маруся, но и на соседних участках, расстилалась такая же снежная целина.

В это время раздался дребезжащий звук работающего мотора и из-за поворот выехал старенький синий трактор Бе-

лорус с приподнятым отвалом впереди.

– Вот и лопата, – обрадовался Соломон и замахал в сторону трактора рукой.

Тот, подъехав к ним, остановился и из распахнувшейся дверцы, выглянул, молодой небритый парень в кроличьей шапке, с сигареткой во рту.

– Какие проблемы, – сплюнул сигаретку тракторист.

– Слушай, друг, – подошел к кабине трактора Соломон, – Ты нам дорогу к дому не пробьешь?

– Как я туда заеду, – тракторист чуть привстал, оглядывая въезд на участок. – Через эти ворота только легковушка пройдет.

– Как, – задумался Соломон, и тут он вспомнил, что, когда Деду привозили дрова или чернозем, он снимал какую-то секцию забора, прикрученную к столбам обычной проволокой и грузовик проезжал на территорию: «Я, знаю как!». Он быстро бросился к забору и пробежавшись вдоль, трясая секции, нашел которая шаталась и раскрутив проволоку, с трудом оттащил ее на дорогу. «А здесь пройдете», – он радостно оглянулся на тракториста.

Тот вылез из двери трактора на подножку и оглядел участок:

– Тут метров сорок до дома. Считаю одной солярки рублей на двести сожгу. Да, плюс работа. Пятьсот рублей с тебя парень. За меньшее не согласен.

– Пятьсот, – переспросил Соломон, судорожно хлопая ру-

ками по карманам и вытащил банковскую карту, – А карточкой можно?

– Это трактор, а не магазин «Пятерочка». Платежный терминал не предусмотрен. Только налом, – ответил тракторист, доставая следующую сигарету из пачки.

– Нала нет, – развел руками Соломон.

– Ну извини, парень, – тракторист закурил и полез в кабину.

– Дяденька, – подбежала к нему Маруся, – А у вас лопаты не будет? Мы сами прокопаем. А потом вернем.

– Ишь ты, – с интересом посмотрел на нее тракторист, – Что так сильно хочется?

– Угу, – смущенно опустила глаза Маруся.

– Понятно. Дело, молодое – ухмыльнулся тракторист и выснувшись из кабины, крикнул Соломону, – Эй, парень, убери забор с дороги. Сейчас заеду.

– Слушаюсь, – радостно козырнул Соломон, отгаскивая секцию в сторону.

Трактор громко рыкнул, выпустив черное облачко из трубы и развернувшись, опустил отвал к земле, въехав на участок и стал пробивать дорогу к дому.

Расчистив проход, трактор задним ходом выехал обратно на дорогу, и тракторист, приоткрыв кабину, подмигнул Марусе:

– Дальше надеюсь моя помощь не понадобится?

– Спасибо, справимся, – рассмеялась Маруся, – Вас, как

зовут?

– Мишка Белорус. Я тут, рядом в Сосновке живу. Если, дрова привезти или навоз, обращайтесь. Студентам скидка. – И он, махнув рукой, прибавил газу и поехал по дороге, оставляя в воздухе тяжёлый запах солярки.

Зайдя на крыльцо, Соломон достал ключи и немного повозился с замерзшим замком, открыл дверь.

– Б-р-р, – зябко передернула плечиками Маруся, входя вслед за Соломоном из прихожей в большую комнату, занимавшую почти весь первый этаж. Дом промерз за зиму и внутри было холодней, чем на улице.

– Сейчас, камин растоплю, быстро прогреется. Обратная электричка, только через полтора часа. – Соломон отдернул шторы с окна и подойдя к камину, отодвинул задвижку тяги. Потом нагнувшись к очагу и, чиркнул зажигалкой, поджога свёрнутою газету, лежащую под пирамидкой из поленьев.

– А мне нравится здесь, – обходя комнату, произнесла Маруся. – Только холодно.

– У деда полно теплых вещей. Возьми что ни будь, набрось на плечи, – Соломон подошел к старинному платяному шкафу и распахнул створки.

– Ого, сколько одежды, – рассматривая содержимое шкафа, удивилась Маруся, – Дед твой похоже пижоном был.

– Нет, он просто не любил выбрасывать старые вещи. Здесь их накопилось еще со времен его студенческой мо-

лодости. – Соломон вытащил подбитую овчиной жилетку и протянул Марусе, – На, одень.

Маруся набросила на плечи жилетку и подошла к журнальному столику, на котором стоял большой, катушечный магнитофон. «Маяк 202», – вслух прочитала она на крышке. – А это что за агрегат?»

–Темная ты, Маруська. Чему вас на филологическом учат, – подошел к ней Соломон и взяв провод с вилкой от магнитофона, вставил ее в розетку на стене. –Это крутейший музыкальный центр, второй половины двадцатого века.

Он нагнулся к магнитофону, нажал клавишу включения и повернул ручку прокрутки. Бобины медленно закрутились и из динамиков, раздался чуть хрипловатый голос певцы под звуки гитары:

Но они вытягивают шеи
И встают на кончики носков
Чтобы видеть дальше и вернее
Нужно посмотреть поверх голов
Всё, теперь ты тёмная лошадка
Даже если видел свет вдали
Поза неустойчива и шатка
И открыта шея для петли
И любая подлая ехидна
Сосчитает позвонки на ней
Дальше видно, но недалеко видно
Жить с открытой шеей меж людей...

На этих словах, словах песня вдруг прервалась, а бобина продолжала медленно вращаться, шурша оборванным концом магнитофонной ленты. Соломон, нажал кнопку на панели и выключил магнитофон.

– Зачем ты выключил. «Классная песня», — обиженно произнесла Маруся, взяв лежащую на диване старенькую гитару и тренькнув по струнам, произнесла последнюю фразу из песни: «Дальше видно, но недальновидно, жить с открытой шеей меж людей»

– Лента порвалась. Положи гитару на место. Дед не любит, чтобы ее брали другие, — строго посмотрел на нее Соломон и кивнул в сторону чуть приоткрытой двери, из которой в комнату падала полоса света, — Иди лучше на кухню, чайник поставь. А я пока поищу его лекарство.

– Да, пожалуйста, — фыркнула Маруся и положив гитару на диван, вышла из комнаты.

Соломон подошел к серванту и отодвинув стекло, стал рассматривать беспорядочно составленные на двух полках предметы. Здесь стоял хрустальный графинчик с какой-то жидкостью вишневого цвета. Стопкой лежали пожелтевшие научные журнал. Гипсовый бюст какого-то бородатого ученого. Большой будильник с остановившимися стрелками и множество жестяных чайных коробочек, которые дед коллекционером и которые привозил из-за границы, с разных научных симпозиумов. Соломон стал вытаскивать коробочки, отставляя их в сторону и наконец увидел советского об-

разца водительскую аптечку с выдавленным на крышке крестом и полумесяцем. Он достал ее и отойдя к окну, сел на диван и с трудом открыл молнию замка. Приподнял крышку, стал перебирать лежащие внутри упаковки с лекарствами. Названия их ни о чем ему не говорили и только небольшая трубочка в прозрачной упаковке Аскорбиновая кислота, напомнила ему, как бабушка в детстве давала ему в день по одной таблетки, и он с удовольствием рассасывал ее. Соломон развернул упаковку и вытащив одну шайбочку и положил ее в рот. Вкус у нее оставался тот же самый. Соломон прикрыл глаза, прислонился к спинке дивана и поддавшись детским, дачным воспоминаниям, задремал.

Его разбудил настойчивый стук в окно. Он открыл глаза и увидел темный силуэт, стоявший снаружи, на террасе.

– Откройте дверь, – требовательно произнес силуэт, вплотную приблизив лицо к стеклу. – Я знаю, что вы там.

– Что вам надо. – Соломон подошел к окну, разглядывая незнакомца.

– Милиция. – Незнакомец вытащил из внутреннего кармана пальто красную книжицу и развернув ее, приложил к стеклу на уровне головы Соломона.

– Сейчас открою, – Соломон пожал плечами и выйдя из комнаты в коридор повернул ручку замка и приоткрыл створку, вышел наружу: «Что вам надо? Кто вы?».

– Не догадываетесь, – подошел к нему незнакомец. На нем

было надето серое, не по сезону легкое для зимы пальто, из-под которого снизу выглядывали начищенный до блеска, хромовые офицерские сапоги. Он, прищурившись и с неприятной улыбкой посмотрел в глаза Соломону. – Собирайся, поехали.

– Куда, – сделал шаг назад Соломон. Но тут из-за дверной створки вышел милиционер в синей шинели, с ярко красными погонами с сержантскими лычками и прихватил его за рукав толстовки.

– В отделение милиции. Мы же тебе повестку присылали на прошлой неделе, а ты похоже запамятовал и не явился. А ведь три дня уже прошло. Не хорошо, Соломон Игоревич, – все также неприятно улыбаясь ответил незнакомец. – В доме еще есть кто ни будь?

– Не-е-т, – немного растерявшись, потряс головой Соломон.

– Тогда одевайся, поехали.

– Да, да. Я сейчас, – торопливо ответил Соломон и посмотрел на продолжающего держать его сержанта. – Можно я куртку возьму. Она в прихожей висит?

– Отпусти, – кивнул незнакомец, явно старший по званию.

Соломон подошел к вешалке, сняв с крючка куртку и осторожно, чтобы не услышала Маруся, прикрыв за собой дверь и вышел на террасу.

– Пошли, – скомандовал старший.

Они спустились с террасы и по расчищенной трактором

полосе вышли на дорогу, где стоял синего цвета, с брезентовым верхом еще советского времени Газик с белой надписью на дверце «милиция».

– Это что еще за ретроавтомобиль, – остановился Соломон, удивленно разглядывая странный Газик.

– Извини друг, «Побед» свободных не было. На этом поезде, – ответил незнакомец, открывая перед ним заднюю дверцу, а стоящий сзади сержант подхватил под локти Соломона и запихнув в салон, сел рядом.

Боковые окна внутри Газика заиндевели от мороза, и Соломону с трудом удавалось разглядеть дорогу впереди через лобовое стекло между спинами впереди сидевших водителя и старшего милиционера. Они ехали по почти пустому шоссе. Иногда навстречу попадались какие-то допотопные грузовики с деревянными кузовами и реже легковые машины по внешнему виду, действительно напоминавшие ретроавтомобили 50-х годов прошлого века. Где-то через час с небольшим стали появляться городские строения. Но Соломон как не приглядывался не мог понять, где они едут. Некоторые высотные здания казались ему знакомыми, один раз даже мелькнул шпиль высотки университета, но в основном попадались двух-трехэтажные дома, которых Соломон никогда раньше не встречал в своем городе. Наконец, машина притормозила и свернув, въехала через высокие решетчатые ворота в большой, отгороженный от улицы чугунной оградой двор и проехав немного, остановилась.

– Выходим, – не поворачиваясь, скомандовал старший и сержант, открыв дверцу со своей стороны потянул за собой Соломона.

Он спрыгнул на очищенный от снега асфальт и пока старший приказывал что-то водителю, огляделся по сторонам. Место показалось ему очень знакомым. Впереди высилось шестиэтажное, светло-серое здание сразу с рядами одинаковых небольших окон с небольшой дверью у входа, облицованного серым гранитом. Здание заканчивалось с обеих сторон Г-образными пристройками, образуя форму прямоугольной подковы, охватывающей внутреннее пространство двора. Верхние этажи фасадов-пристроек, развернутых во двор, были украшены рядом высоких колон опирающихся на арочные полусводы первых этажей, что как-то выбивалось из общего казенного вида архитектурного стиля основного фасада. Вдоль здания стояло с два десятка авто, в основном таких же синих милицейских Уазиков и несколько одинаковых черных легковушек, как из старого советского кино.

– Ну, что засмотрелся, – раздался рядом голос старшего, – Никогда еще не был здесь?

– Нет. А что здесь кино какое-то снимают, – с интересом посмотрел на него Соломон.

– Ага, про казаков и разбойников, – добродушно рассмеялся старший и приказал сержанту, – Отведи его к следователю.

Сержант взял Соломона под руку, и они пошли к входу

в здание. «Квасковский уголовный розыск», – успел прочитать Соломон прикрученную к стене медную табличку, заходя внутрь здания.

Они вошли внутрь, в просторное, освещенное фойе, отделанное желтым мрамором. Сержант, продолжая придерживать Соломона за руку, подошел с ним к столу, за которым сидел офицер в такой же синей форме с золотыми лейтенантскими погонами и красной повязкой «дежурный» на рукаве и протянул тому серый бланк с отпечатанным на машинке текстом. Лейтенант взглянул в бланк, открыв лежащую перед ним амбарную тетрадь и проведя пальцем по листу, что-то отметил и не поднимая головы произнес: «В тридцать второй идите, к Семенову». Сержант потянул Соломона за собой к широкой, поднимающейся вверх лестнице, перед которой стоял большой красочный плакат с изображением пухлого, румяного деда мороза в красном тулупе. Дед мороз держал в вытянутой руке меч, а другой, прикрывал грудь щитом с изображением серпа и молота. Внизу под щитом стояла размашистая надпись: «С Новым 1953 годом!».

Соломон прочитал надпись, резко остановился, и потряс головой.

– Ты, чего, – дернул его за руку сержант.

– А какой сейчас год? 1953, – Соломон перевел удивленный взгляд с Деда мороза на сержанта.

– Ты чего парень, белены объелся, – усмехнулся сержант. – Еще декабрь 52-го. Месяц до нового года. Пошли.

Семенов вроде добрый следователь. Может и отпустит тебя до праздников, если упираться не будешь, – и он, крепко взяв Соломона под локоть и стал подниматься вверх по лестнице.

На третьем этаже они свернули в длинный коридор с красной ковровой дорожкой на полу и обшитыми деревянными панелями стенами. Пройдя в самый конец коридора, сержант остановился перед дверью с номером 32 и откашлявшись в кулак, постучал и приоткрыв створку, заглянул внутрь: «Гражданин Гурвич С. И., доставлен». «Пусть войдет, а ты в коридоре подожди», – раздался из глубины усталый голос.

Сержант оглянулся на Соломона и приоткрыв пошире дверь, кивнул головой: «Заходи».

Это был совсем небольшой, сильно прокуренный кабинет. Перед окном стоял стол с черным телефоном, большой хрустальной пепельницей, заполненной окурками и включенная настольная лампой. К стене прижался невысокий металлический шкаф, с торчащим из двери ключом. За столом, спиной к окну, сидел, сложив перед собой руки, достаточно молодой, белобрысый мужчина в помятом темно-сером пиджаке, из-под которого выглядывала расстёгнутая на верхние пуговицы клетчатая рубашка. Перед столом стоял хлипкого вида венский стул.

Сидевший за столом посмотрел на Соломона безучастным взглядом и с каким-то сожалением в голосе произнес: «Присаживайся».

Соломон сел на стул и выжидательно посмотрел на следователя. Тот опустил руку под стол, достал из кармана пачку папирос «Казбек» и раскрыв ее положил перед Соломоном: «Закуривай».

– Спасибо. Не курю.

– А я вот сколько не пытался бросить, ничего не получилось. – Следователь вытащил из пачки папиросу, дунул в мундштук и достав из кармана коробок, чиркнул спичкой, прикурив и выпустив вверх струйку сизого дыма, спросил равнодушно:

– Ну, что делать будем, Соломон Игоревич?

– А что надо, – вопросительно посмотрел на него Соломон.

– Ну, как что. – Тут следователь выдвинул ящик стола и вытащив оттуда какой-то исписанный листок, положил его перед Соломоном. – Надо подписать. Все уже подписали. Только ты остался.

– Что это, – покосился на листок Соломон.

– Забыл, – внимательно посмотрел на него следователь и взяв в руки листок, стал неспеша читать: «Мы, студенты второй группы, третьего курса биофака, доводим до руководства университета, что наш одноклассник Филимонов А.С. неоднократно высказывался критически по отношению к внутренней политике страны, давал негативную оценку деятельности научных руководителей университета, Академии Наук и превозносил достижения чуждой нам западной биологической науки. Мы считаем своим долгом, уведомить де-

канат факультета, комсомольскую и партийную организации о недостойных советского человека взглядах нашего бывшего товарища. Члены студсовета второй группы...», – тут следователь перестал читать, помахал в воздухе листком и посмотрев на Соломона закончил, – Трата, та-та-та. Здесь внизу пять фамилий. Четверо подписали. А ты почему-то нет. Что скажешь в свое оправдание?

– Бред какой-то, – рассмеялся Соломон. – Я вообще не понимаю, что здесь у вас происходит. Пятьдесят третий год, комсомольская организация, уголовный розыск. Что все это значит?

– Ну, до пятьдесят третьего еще дожить надо, – разогнал рукой вокруг себя папиросный дым следователь, – А вот насчет уголовного розыска, я с тобой соглашусь. Не наше это дело. Контора не справляется в последнее время. Много развелось в стране предателей и врагов народа. Вот нам и стали всякую мелочовку, такую как ты свозить, в виде общественной нагрузки. Начальство приказало, надо выполнять. А на мне еще, между прочим, два убийства в Марьиной роще висят и ограбление квартиры на Масловке. Понимаешь разницу?

– От меня то вы что хотите, – развел руками Соломон.

Следователь, макнув ручку в чернильницу и протянул ее Соломону, – Поставь подпись под протоколом. Я закрываю дело, и ты свободен.

– Ничего я не буду подписывать, – Соломон откинулся на

спинку стула и сложил руки на груди, вызывающе посмотрел на следователя.

Тот задумался, опустил глаза и произнес спокойным голосом:

– Твоего Филимонова, если ты подпишешь, и я закрою дело, исключат из университета и в худшем случае, отправят годика на два на какую ни будь стройку социализма. Больше за слова не дадут. Не тридцать седьмой год сейчас. А не подпишешь, очень навредишь и Филимонову, и себе заодно.

– Это чем же?

– Я буду вынужден, отправить дело, как не закрытое в Контору. А дальше будут они заниматься. Там правила другие, поверь. И легким наказанием он уже не отделается, и ты вместе с ним.

– Ничего я не буду подписывать, – покачал головой Соломон, – И вообще, без адвоката с вами разговаривать больше не намерен.

– Адвоката, – воскликнул удивленно следователь, – Ты в своем уме парень?

– В своем, – утвердительно кивнул Соломон.

– Будет тебе сейчас адвокат, – следователь снял телефонную трубку и покрутив диск, произнес: «Степанов говорит. У тебя в камерах свободные места остались? Мне одного упертого студента надо подержать». Выслушав ответ, он положил трубку и посмотрел на Соломона: «Значит так. Даю тебе час времени на обдумывание. Не подпишешь, передаю

дело в контору». Он встал из-за стола и подойдя к двери и приоткрыл створку: «Забирай его сержант. В подвал препроводи. Пусть посидит, подумает».

Они спустились вниз, в подвал, где их уже ждал надзиратель в зеленой военной форме, со связкой ключей в руке. Он поздоровался с сержантом и оглядев Соломона, приказал: «Ремень снимай. Шнурки вытаскивай»

– Нет у меня этого ничего, – Соломон расстегнул куртку. На нем были одеты спортивные штаны, а потом приподнял по очереди штанины, продемонстрировав короткие сапоги на молнии.

– Пошли, – надзиратель развернулся и повел их по длинному коридору вдоль пронумерованных металлических дверей. Перед дверью номер десять, надзиратель остановился и найдя нужный ключ, открыл дверь и кивнул Соломону: «Пошел».

– Благодарю вас, сэр, – вежливо улыбнулся надзирателю Соломон и вошел в камеру.

Это было совсем небольшое помещение, метра два на три, без окон, слабо освещенное потолочным плафоном. У противоположной от входа стены, на неширокой металлической лавке сидел неопределенного возраста дяденька в сером пиджаке, одетым на голое тело. Вторая лавка, была прижата к стене над его головой.

– Здравствуйте, – произнес Соломон, оглядывая камеру.

Дяденька чуть подвинулся и постучал рукой по лавке:

«Присаживайся. Здесь не положено стоять»

Соломон молча сел рядом.

– Курить есть, – не поворачивая головы тихим голосом спросил дяденька.

– Нет.

– От кого пришел, – негромко спросил дяденька, продолжая глядеть перед собой.

– В каком смысле, – не понял Соломон.

– Кто следователь у тебя?

– Кажется Степанов, – немного подумав, вспомнил Соломон.

– Повезло тебе. Степанов хороший следователь, – покивал головой дяденька.

– В каком смысле?

– Нерукоприкладствует при допросах.

– Вы, что всех следователей знаете?

– Нет конечно, люди рассказывали, – дяденька наконец-то повернул голову и посмотрел на Соломона грустными глазами, – Я уже третью неделю здесь. Мой следователь заболел, а дело так никому и не передали. За это время, уже человек семь прошло.

– Понятно. – Соломон и прислонивши спиной к стене прикрыл глаза.

– Спать не положено до отбоя, – тем же тихим голосом

произнес сосед.

– А что можно делать?

– Сидеть и ждать, когда вызовут на допрос, – тем же глухим голосом ответил сосед, – Кстати, «параша» вон там, – дяденька указал рукой на оцинкованное ведро, прикрытое куском фанеры, стоящее в углу камеры.

На кисть его руки были вытатуированные цифры 1946.

– А что значит 1946, – спросил Соломон.

– Год, когда я последний раз откинулся с зоны, – дяденька потер другой рукой татуировку. – Думал, что последний раз. Но не срослось.

– Скажите, – выпрямился Соломон, – А сейчас действительно 1952 год?

– Ну, а какой еще может быть, – сосед с любопытством посмотрел на Соломона. – У тебя, что с памятью проблемы?

– Понимаете, – нерешительно начал Соломон и сделав небольшую паузу, продолжил, – Я совсем из другого времени сюда попал. Из будущего. И не понимаю, как это получилось.

– Бывает, – покачал головой сосед, – У нас на зоне тоже два инопланетянина сидели и один римский легионер.

– Я правду говорю, – Соломон порылся в кармане, вытащив десятирублевую монету и протянул ее соседу, – Вот такие у нас сейчас деньги.

Сосед взял монету и покрутил ее, разглядывая:

– С орлами. Царская похоже, – заключил он, возвращая

монету, – А, что от тебя следователь Степанов хочет то?

– Что бы я протокол подписал комсомольского собрания. Там фамилия моего деда стоит. Мы полные тезки.

– И что взамен обещает, – немного помолчав, спросил сосед.

– Выпустить обещает, – ответил Соломон, пожав плечами, – Не знаю, что делать?

– Что тут знать, – простонал в ответ сосед, – Подписывай и вали быстрее в своё будущее.

– Вы так считаете, – с надеждой посмотрел на него Соломон.

– Степанов за слова отвечает. Хоть и мент.

В это время раздался звук ключа в замочной скважине, дверь с металлическим скрежетом отворилась и в камеру зашел надзиратель: «Гурвич, вставай. На выход».

– Удачи, парень, – похлопал его по плечу сосед.

Соломон вышел в коридор, где его ждал сержант и они поднялись на третий этаж в кабинет следователя.

Степанов стоял за столом одетый в потертое кожаное пальто и широкополую шляпу. «Так студент. У меня времени совсем нет. Труп в квартире на Бутырской обнаружили. Что решил?»

– Я подпишу, – согласно кивнул Соломон, подходя к столу, на котором все также лежал протокол и макнул ручку в чернильницу расписался.

– Молодец. – Степанов взял протокол и подув немного на

подпись, сунул его в папку и протянул Соломону серый картонный квадратик.

– Что это?

– Пропуск на выход. Свободен, – не глядя на него ответил Степанов, выдвигая ящик стола и убирая в него папку. – Сержант, проводи студента.

Выйдя за ворота, Соломон огляделся. Слегка подморозивало. Дворник в телогрейке и высоких валенках чистил метлой тротуар. По улице в обе стороны проезжали советские ретроавтомобили. Вдруг из-за угла выехал желто красный троллейбус, похожий на булочку и проехав перекрёсток, остановился. Из него стали выходить пассажиры. «Надо добраться на дачу деда. Только оттуда можно вернуться в настоящее время», – пронзила Соломона мысль, и он бросился по тротуару в сторону все еще стоявшего на остановке троллейбуса. Когда он, подбежав к перекрестку, загорелся красный свет светофора. Троллейбус все еще стоял на противоположной стороне. Соломон покрутил головой по сторонам и не увидев поблизости машин, выскочил на проезжую часть и бросился к остановке. Но когда ему оставалось метров десять до троллейбуса, тот со скрипом закрыл двери, и стал медленно выворачивать на дорогу. «Стойте. Подождите», – замахал ему вслед Соломон, но в это время сзади раздалась пронзительная трель милицейского свистка. Соломон оглянулся. К нему приближалась девушка-милиционер, в чер-

ном тулупе с красными погонями, подпоясанным портупеей, серой шапке ушанке, с золотистой кокардой.

–Нарушаете гражданин, – приложив руку шапке, строго произнесла девушка.

–Что я нарушаю, – растерялся Соломон.

–Вы перешли улицу в неположенном месте. Даже перебежали. Предъявите документы. – И девушка, чуть поправив вверх шапку, требовательно протянула в сторону Соломона руку.

– Маруся, – удивленно воскликнул Соломон. Из-под шапки на него смотрела строгое, один в один Марусино лицо.

– Откуда вы знаете мое имя, – подозрительно посмотрела на него девушка и повторила, – Документы предъявите.

Соломон, продолжая внимательно рассматривать девушку, достал из кармана и протянул ей студенческий билет.

– Так вы на биофаке учитесь, – уже мягче спросила девушка, рассматривая билет, – А я на филологическом. Правда вечером. Но я не припоминаю, чтобы мы с вами раньше встречались. Откуда вам известно мое имя?

– Просто вы очень похожи на мою девушку. Одно и то же лицо. И ее тоже зовут Маруся. И она с филфака.

– Ну, раз такое совпадение, я вас сегодня штрафовать не буду, – девушка улыбнулась и протянула билет Соломону, – Но на будущее, переходите улицу на зеленый свет, даже если вы куда-то опаздываете.

–Спасибо большое, – улыбнулся в ответ Соломон, – А вы

не подскажите, как мне быстрее доехать до Белоусского вокзала. Мне на дачу надо, лекарства для деда забрать.

– Вот как раз ваш десятый номер, – девушка указала рукой на подъезжающий к остановке желто-красный троллейбус.

– А ты на каком курсе учишься, Маруся, – пропуская вперед входящих пассажиров, спросил Соломон.

– На втором, в седьмой группе.

– Я тебя обязательно разыщу, – махнул рукой ей Соломон, запрыгивая в отъезжающий троллейбус.

Электричка, в которую сел Соломон, была старая, холодная, с деревянными скамейками. Но такие и сейчас, в смысле в его время, иногда ходили по этой ветке, в направлении дачи деда. И это даже немного обнадежило. Уже стемнело и пейзаж за окном был неразличим. Соломон почувствовал, что сильно проголодался. С самого утра, после Бургер Кинга, он ничего не ел. Проверив карманы и вытащив упаковку аскорбиновой кислоты, он, положив таблетку в рот и стал с удовольствием рассасывать. Напряжение от прошедшего дня постепенно начало отпускать и он, набросив капюшон куртки на голову, обхватив себя руками и прикрыв глаза, задремал.

«Платформа Гудок, следующая Сорок Седьмой километр», – разбудил его резкий, противный голос, раздавшийся из динамика в вагоне. Это была как раз его остановка. Соломон выбежал в тамбур и успел, раздвинув закрывающиеся

двери выскочить на платформу.

Вышедшие из электрички немногочисленные граждане, спускались вниз с платформы по скользкой металлической лестницы, направляясь автобусной остановке. Чуть в стороне стояла машина частника- таксиста со светящимся фонарем на крыше. Соломон подошел к таксисту, стоящему прислонившись к кузову и спросил.

– Вы меня до Лесного поселка не подвезете. Только у меня налички нет. Я с телефона могу рассчитаться. Он у меня там, на даче остался.

– Это, ты парень, – удивленно произнес таксист, оглянувшись на Соломона. На него смотрело лицо утреннего тракториста Мишки Белоруса. Только сейчас был одет более цивилизовано, в кожаную куртку на меху и синие джинсы. – Куда ты пропал? Твоя девчонка тебя обыскались везде.

– Я, – задохнулся от радости Соломон, поняв, что вернулся в свое время. – Да я в город ездил. Меня менты вызвали. А где Маруся?

– То же в город уехала на электрички, часа три назад. Я по дороге встретил ее и на станцию отвез. Я ведь только днем тракторист, а вечером «бомблю» здесь на своей «ласточке», – и Мишка постучал ботинком по колесу машины.

– Так значит Маруся, уже уехала, – на всякий случай, переспросил Соломон.

– Точно уехала, – уверенно подтвердил Мишка, – Я ее привез на станцию, а тут как электричка подошла. Я видел,

как она в вагон забежала.

– Что же мне теперь делать, – Соломон озадаченно потер лоб рукой.

– Что, что. Возвращайся в город и ищи там свою Марусю. Твой телефон, кстати, она забрала и коробку с лекарствами для деда, – В это время раздался протяжный гудок и из-за поворота, освещая путь ярким лучом прожектора, выскочила электричка и стала сбавлять скорость. – Вот, кстати и электричка на Кваску. Повезло тебе. Следующая, только через час.

– Спасибо, тебе Мишка. «Ты сегодня прямо наш ангел спаситель», — протянул ему руку Соломон.

– Да, ладно, – немного смутился Мишка. – Беги давай. Вон уже двери открылись.

Он подошел к дому деда уже за полночь. Поискал глазами окна его квартиры, увидел, одно освещенное слабым зеленым светом окно на его кухне.

– Фу, -облегченно выдохнул Соломон и зайдя в подъезд, помчался, перепрыгивая через ступеньки наверх.

Дверь в квартиру, была чуть приоткрыта, пропуская слабый неяркий лучик на лестничную клетку. «Забыл наверное закрыть», – подумал Соломон, входя в прихожую. Из кухни доносились неразборчивые голоса. Он разулся и сунув ноги в старые дедовы шлепанцы и беззвучно ступая, подошел к кухне. В свете лампы, под зеленым абажуром, за небольшим

столом сидел к нему спиной неизвестный в сером пальто, а напротив него опустив лицо вниз Маруся, медленно размешивая ложечкой чай в стеклянном стакане.

– А где дед, – почувствовав неладное, настороженно произнес Соломон.

Маруся подняла на него заплаканные глаза и спросила: «А ты где был все это время?»

– Какая-то дикая история случилась. Потом расскажу, – отмахнулся Соломон и в это в время незнакомец повернулся к нему лицом. Это был лейтенант Филимонов. Только вместо полицейского кителя, у него из-под распахнутого пальто выглядывал шерстяной свитер, крупной вязки.

– А этот, что здесь делает? Что с дедом? – с негодованием воскликнул Соломон.

– Деда больше нет, – через небольшую паузу произнесла Маруся. – Мы опоздали. В смысле я.

– Что ты сказала?

– Когда я вернулась, Дед без сознания лежал в комнате на диване, – стала устало рассказывать Маруся. – Я вызвала скорую, но они, приехав, только констатировали смерть.

– Обширный инфаркт. «Его надо было еще утром везти в больницу», — с сочувствием произнес Филимонов.

– А вы-то, как здесь оказались, – подозрительно посмотрел на него Соломон.

– Я уже сдал дежурство, собирался домой, когда позвонили из скорой. Я живу в этом районе и мне шеф приказал, за-

ехать и оформить... – Филимонов запнулся на слове «групп» и подумав, закончил, – Тело вашего дела. Так положено.

– Спасибо лейтенанту. Он связался с ритуальным агентством. Они все подготовят и будут тебе звонить. Я дала им твой номер телефона, – и Маруся взяла с пола рюкзачок, вытащила из него телефон Соломона и положила на стол. – Чай пить будешь?

– Не откажусь, – тяжело выдохнул Соломон, и пододвинув табуретку, присел к столу.

Маруся подошла к плите и чиркнув спичкой, поставила чайник на огонь. Потом открыла холодильник и выставила на стол пакет из Бургер Кинга, который они утром принесли деду: «Можешь поужинать, если голоден. Он так ни к чему и не притронулся. Хочешь я подогрею в микроволновке?».

– Не надо. – Соломон сунул руку в пакет и вытащив сэндвич, стал молча есть.

– Так, где ты был все это время, может всё-таки расскажешь? —спросила через некоторое время Маруся, кладя в кружку пакетик чая и заливая его кипятком.

–Я был там, на даче, только в прошлом времени. Можете верить, можете нет, – дую на чай в кружке ответил Соломон и коротко пересказ всю историю, которая с ним случилась этим днем.

– Как такое возможно, – дослушав рассказ Соломона, с сомнением спросила Маруся и усмехнувшись, добавила, – Может ты каких-то галлюциногенных таблеток наглотался

из дедовской аптечки?

– Точно, – вскочил Соломон и начал судорожно шарить по карманам. Найдя наконец упаковку аскорбинки, он положил ее на стол, – Вот. После того, когда я первую съел, отключился и очнулся уже в другом, прошлом времени. А потом, возвращаясь на дачу, в электричке, рассосал вторую и снова вернулся обратно.

– Интересный случай, – беря в руки и внимательно рассматривая упаковку с витаминами произнес Филимонов, – Аскорбиновая кислота. А ниже, что-то написано мелким шрифтом. Не разобрать. Увеличительное стекло нужно или лупу.

– А, что разве сыщики не носят с собой лупу, – невинно, удивилась Маруся.

– Это только большим начальником разрешается, не меньше генерала. А нам, мелким сошкам не положено.

– Дайте-ка мне. У меня зрение хорошее. «Может я разберу», — протянула руку Маруся, забирая упаковку. Она встала и отойдя в сторону, включила настенный бра, стала всматриваться в написанное.

– Ну, что там, – нетерпеливо произнес Соломон.

– Буквы не разобрать. Очень мелкие и в основном стерлись. А вот цифры,

покрупней, —и она, протянув руку ближе к свету, стала, с перерывами, называть, – Один. Девять. Пять. Два.

–Тысяча девятьсот пятьдесят второй, как не странно, – с

удивлением произнес Филимонов, – Очень интересный случай.

– Что вам-то в этом интересного, – с вызовом произнес Соломон.

– Мы же кажется еще утром в участке на ты перешли, – миролюбиво ответил Филимонов и взяв барсетку лежащую рядом, открыл молнию и вытащил пожелтевшую бумагу, завернутую в прозрачный файл. – Вот, посмотри, не этот ли протокол ты подписал?

Соломон взял файл и пробежав глазами, удивленно произнес: «Откуда он у тебя?»

–Еще утром, перед допросом, я, конечно, пробил твою базу данных и очень удивился, что ты внук того самого профессора Гурвича, однокурсника моего деда по университету, Петра Алексеевича Филимонова, которого в декабре пятьдесят второго, на основании вот этого самого протокола комсомольского собрания, арестовали и на пять лет отправили в северный лагерь. Откуда он не вернулся, – Филимонов немного помолчал и продолжил. – А его жену, мою бабушку, ей тогда только исполнилось двадцать лет, выслали на поселение в Казахсад, где через три месяца родилась моя мать.

– Прямо какая-то мистическая история. Столько совпадений. Не находишь, – недоверчиво усмехнулся Соломон.

–Не более, чем твоя про перемещение в прошлое, – пожал плечами лейтенант.

– И что было дальше, с вашей семьей – вмешалась в раз-

говор Маруся.

– Они вернулись через десять, когда наступили более мягкие времена и деда реабилитировали посмертно. Правда мама, там, в ссылке, заболела полиомиелитом. Долго, тяжело лечилась. Но к счастью, болезнь отступила, и она даже вышла замуж. Я поздний ребенок. Родился, когда ей было уже тридцать семь лет.

– Все это конечно печально. Но откуда у тебя взялся этот протокол и зачем ты его принес сюда, – выжидательно посмотрел на Филимонова Соломон.

– Я немного слукавил, когда рассказал тебе утром, свою историю, как пришёл на службу в полицию.

– Не переживай, я не одному твоему слову не поверил. Я вообще ментам не верю, – пренебрежительно рассмеялся в ответ Соломон.

– Перестань, Соломон, – одернула его Маруся. – А, вы лейтенант, расскажите, как к вам попал этот протокол.

– После школы, – продолжил лейтенант, не обращая внимание на реакцию Соломона – По настоятельной просьбе матери, я поступил на биофак. Никто, конечно, в нашей семье не знал, причину ареста деда. В постановлении суда, переданного бабушке, было указано, что он признан злостным иноагентом и все. А на втором курсе, у нас генетику стала читать пожилая дама, как оказалось сокурсница деда, от которой я и узнал, что его арестовали по доносу однокурсников. Но кто именно его написал, осталось тайной. И я поста-

вил себе целью найти этих людей.

– И поэтому ты решил стать ментом, – ехидно вставил Соломон.

– Да, – не придавая внимание его словам, ответил Филимонов. – Я бросил биофак и поступил в школу полиции. Там курсантов допускали к работе в архивах, где можно было найти материалы дел по реабилитированным и нашел этот протокол, – Филимонов взял в руки файловый конверт. – Это конечно ксерокопия.

–И, вы разыскали этих людей? «Они живы?» —с интересом спросила Маруся.

–Конечно. В полиции большая база данных. Они все живы и благополучно устроились. Некоторые до сих пор занимают достаточно высокие посты. Ой, извините, – осекся лейтенант, – Кроме вашего деда. Но как оказалось сейчас, он не причем в этой истории. Он не подписывал протокол.

– Хорошо, ты их теперь всех знаешь, и, что собираешься делать дальше? – уже более миролюбиво спросил Соломон, – Опубликуешь информацию на них или подашь в суд? Да, плевать они хотели. Снова наступают темные времена. Теперь жандармы и их сексоты опять в почете, а любой суд будет на их стороне, даже не сомневайся.

–Теперь я знаю, что с ними сделать. – Филимонов взял в руке упаковку с витаминами и покрутил ее в руке. – Здесь осталось четыре таблетки. Ровно столько, сколько подписали протокол. Я бы очень хотел отправить их обратно в пятьде-

сят второй, доживать там остаток своей жизни. Если, конечно, ты, Соломон не откажешь мне совершить это справедливое возмездие.

– А что это за люди? Кем они стали? – спросила Маруся.

– Я достаточно долго изучал привычки и слабости этих людей. Малопривлекательные типы, мягко сказать. Сделанная подлость, навсегда оставляет отпечаток на последующей жизни людей. И эти не исключение. Единственный, твой дед выпадал из этого ряда. Теперь понятно почему.

– Огласите пожалуйста весь список, товарищ лейтенант, а я покурю, если не возражаете, – Маруся встала и отойдя к окну, прикурила тонкую сигаретку, выпуская, струйку дыма в открытую форточку.

– Значит так, – Филимонов вытащил из файла протокол, – Номер один. Академик Огородников. Ректор универа. Надеюсь, не мне вам рассказывать, про те притеснения преподавателей и студентов с независимыми политическими взглядами, которые с его подачи насаждаются в стенах универа.

– Я за. Подленький дяденька, – вытянула вверх руку Маруся.

– Второй. Блудский. Депутат госдумы. Скандально известен своими домогательствами к молодым девушкам, работающим в секретариате. Фамилия соответствующая.

– Брр-р-р, – мерзкий тип, – с отвращением произнесла Маруся. – Он к моей подруге с журфака, которую отправили брать у него интервью, сразу полез под юбку. Жаль, что у

нас витаминов нет из тридцать седьмого года. Я бы его туда отправила с большим удовольствием.

– Номер, три, – продолжил Филимонов. – Бывший в то время староста группы, Владлен Хериенко. Он был, как мне удалось узнать, внештатным осведомителем охранный отделения. И, судя по всему, именно он организовал этот протокол.

– А этот интересно кем стал потом, – поинтересовался Соломон.

– Этот пошел работать по призванию. По комсомольской путевке был направлен на учебу в высшую чекистскую школу. В прошлом году ушел в отставку в звании генерал-полковник. Заслуженный чекист страны. Можно только догадываться, какой шлейф темных дел тянется за ним.

– Сплошные монстры. Ну и факультет ты себе выбрал Соломон, – затушив сигаретку в цветочный горшок, вернулась к столу Маруся.

– Уж где, где, а на твоём их точно больше всего было, – огрызнулся Соломон. – Ну и кто же четвертый?

– А вот четвертый, некто Ветров. Не сделал выдающейся карьеры. Даже наоборот. После универа поступил в аспирантуру. Занялся спекуляцией, перепродавая вещи, привезенные иностранными студентами. Был посажен за это самое и отсидел три года. По возвращению, какое-то время преподавал биологию в вечерней школе рабочей молодежи, больше пьянствуя со своими взрослыми учениками. Естествен-

но, долго там не продержался. Дальше биография классическая, жил перебиваясь случайными заработками, то грузчиком овощного магазина, то сторожем кооперативных гаражей. Отец его был высокопоставленным сотрудником МИДа. И после его смерти, номер четвертому, достались в наследство квартира в Сатанисткой высотке и дача на Копейском шоссе. Естественно все это было успешно прогуляно за два-три года. В настоящее время проживает в однокомнатной панельной пятиэтажки на окраине. Занимается попрошайничеством у метро.

– Ну, этот, пожалуй, самый положительный на фоне первых трех, – одобрительно произнесла Маруся. – А как вы собираетесь заставить их принять эти таблетки? Вряд ли они согласятся сделать добровольно.

– Ты, что ни будь про клофелинщиц слышала, – хитро посмотрел на нее Филимонов.

– Это которые пьяным папикам, снотворное в шампанское подсыпают, а потом карманы выворачивают?

– Типа того, – покивал Филимонов, – Но одному, без помощников мне не обойтись.

– В смысле подельников, – съязвил Соломон, – Так это кажется называется на вашем жаргоне?

– Нет, – именно помощников, – покачал головой Филимонов. – Людей готовых совершить справедливое возмездие или искупить совершенную ошибку.

Соломон резко встал и пересев на стул Маруси, присталь-

но посмотрел в лицо Филимонова: «К чему ты клонишь, лейтенант? Вот, забирай. Я отдаю тебе их, – он подвинул к лейтенанту упаковку с витаминами, – И делай дальше, что хочешь. Я в этом участвовать не собираюсь».

– Ладно, – Филимонов взял протокол, свернул его пополам, убрал обратно в барсетку и встал из-за стола. – Я все понимаю. День у тебя очень непростой выдался. Приношу искренние соболезнования. – Он сунул руку во внутренний карман пальто, достал визитную карточку и положил на стол. – Вот номер моего мобильного. Если будут какие проблемы, звони. До свидания, – и он, застегнув пальто, кивнул Марусе и вышел.

– Пойдем спать, Соломоша. Я просто падаю от усталости. – Маруся подошла к Соломону и наклонившись, обняла его сзади за плечи, – Ты, смотри, а он не взял волшебные витаминки.

– И что?

– Не знаю. А мне его идея понравилась, – пожала плечами Маруся, – Да и сам он вроде ничего, ни как все менты. Может правда, поможем ему.

– Маруся, я тоже дико устал, – простонал Соломон. – Давай не будем сегодня про это.

– Не будем. Спать, спать, спать, – Маруся сонно зевнула и потянула Соломона за руку, – Пошли. Я там в зале постелила на диване.

Маруся с Соломоном вышли из ворот кладбища последними, дождавшись, когда разойдутся немногочисленные близкие и знакомые Деда, приехавшие с ним проститься.

–Эй, ребята, я здесь, – окликнул их стоящий чуть в стороне, у старенького серого фордика, Филимонов. – Садитесь, подвезу вас до дома. Еще раз мои искренние соболезнования. – Он протянул руку Соломону.

– Спасибо за то, что помог с похоронами, – ответил рукопожатием Соломон. – Вообще то Деда помянуть надо. Может какое ни будь кафе будет по дороге, зайдем, ты не против?

– В нашем районе есть кафе Лира. У меня там заведующий знакомый. – Филимонов, вытащил из кармана мобильник и набрал номер, – Петрович привет, Филимонов. Ты мне столик, отдельный не организуешь через час? Трое нас будет. Спасибо, едем.

Припарковав фордик недалеко от кафе, они вошли в небольшой полутемный зал, где, увидев Филимонова, к ним сразу подошел официант и проводил в отдельный кабинет с уже сервированным легкими закусками столиком.

– Водки еще принеси нам грамм триста, – распорядился Филимонов, отодвигая стул перед Марусей.

–Я не люблю водку, – передернула плечами Маруся. – Мне лучше коктейль какой-нибудь.

– Не принимается. Поминать положено водкой, – отрицательно покачал головой Филимонов, присаживаясь к столу и

протягивая ей меню.

Скоро вернулся официант с запотевшим графинчиком водки и стопками на подносе.

Филимонов сделал заказ официанту и отпустив его, разлил водку, молча поднял стопку и вопросительно посмотрел на Соломона.

– Хороший был у меня Дед, – поднял свою стопку Соломон, – Что, еще говорить в этих случаях, я не знаю?

– Вечная память, – добавил Филимонов и выпил.

– Не очень горькая кажется, – осторожно пригубила Маруся.

– Первую надо выпить молча до дна, – выразительно взглянул на нее Филимонов.

– Извините, – смущенно ответила Маруся и сморщив носик стала пить маленькими глотками.

Официант принес горячее, а Филимонов, заказав коктейль для Маруси, попросил рассказать Соломона, самые яркие, запомнившиеся ему воспоминания о Деде.

Так, они, в душевной атмосфере, посидел около часа, слушая воспоминания Соломона и поминая Деда.

– Ну, и какой у тебя план возмездия, лейтенант, – неожиданно спросил Соломон, когда Филимонов, разлил остатки водки по стопкам. – Есть какие-нибудь соображения, как нам скормить витаминами подписантов протокола?

– Есть, – поставил рюмку и внимательно посмотрел на Соломона, – Только без вашей помощи мне не справиться.

– Это мы уже слышали. Ну, давай рассказывай.

– Хорошо. – Филимонов открыл барсетку висевшую на спинке стула и выложил на стол файловую папочку с протоколом. – Напомню, у нас четыре подписанта. Это академик Огородников, депутат Блудский, генерал Хериенко и некто Ветров. Начну с генерала Хериенко. С более простого варианта.

– Он же фээсбешник, – удивленно произнесла Маруся, – Я думала к нему сложнее всего подобраться. Им везде шпионы и враги народа мерещатся.

– Он уже два года на пенсии. В отставке. Живет в Са-траповской высотке, на Котельнической набережной, в большой квартире, – начал уверенно рассказывать Филимонов, – Вместе с ним проживает его пятидесятилетняя дочь с мужем и сыном студент. Живут не дружно, мягко сказать. Генерал своим несносным поведением терроризирует всех домочадцев. У него мания подозрительности развилась, что они ждут не дождутся его смерти, чтобы прибрать квартиру и хотят его отравив, дав выпить какое ни будь лекарство или подсыпав яд в еду.

– Прямо наш вариант. Интуиция у него не слабая, – удивленно воскликнула Маруся. – Чувствует кощей, что смерть его в яйце.

– Ну, тем более, если он своим не доверяет, как нам поверит, когда мы с витаминкой придем, – с сомнением поинтересовался Соломон.

– Это как раз нам и на руку, – торжественно посмотрел на них Филимонов. – Лекарства из рук родни он не принимает. К нему раз в неделю приходит медсестра из поликлиники, принося лекарства, которые он прячет в сейф. А в случае, когда почувствует себя плохо, у него проблемы с сердцем, сразу вызывает скорую. Те приезжают, делают укол или дают сердечные порошки. Такое с ним происходит, чуть ли не каждый день. Вот на этом мы и сыграем, – тут Филимонов сделал паузу и обвел всех загадочным взглядом.

– Поподробнее пожалуйста, лейтенант, – взмолился Соломон, – Не тяни.

– Значит так, – сделал успокаивающий жест рукой Филимонов. – Машину скорой помощи, я достану. Приезжаем к дому генерала. Вы в белых халатах и докторским чемоданчиком поднимаетесь в квартиру. Звоните в дверь, сообщайте что поступил вызов от господина Хериенко. Проходите в комнату генералу, меряете давление и даете выпить ему таблетку. Все, – Филимонов радостно потер руки, – Генерал возвращается в свой пятьдесят второй год, где и закончит свою карьеру. Вопросы есть?

– А если он не вызывал скорую помощь? «Кто нас пустит тогда к нему», —с сомнением произнес Соломон.

– Я же говорил, он практически впал в маразм и не помнит, что делал час назад. А скорую вызывает, чуть ли не каждый день. Но, это самый простой наш клиент. Следующий депутат Блудский.

– А я, кажется, догадываюсь, как этому мерзавцу подобрать витаминки, – гордо произнесла Маруся. – Надо записаться к нему на интервью.

– Именно, – воскликнул Филимонов, – Ты рассказывала, как твоя подруга с журфака попала к нему на прием. Ты же можешь, через своих друзей с журфака, получить к нему аккредитацию?

– Стоп, стоп, стоп, – замахал руками Соломон, – Я возражаю. Он сразу начнет приставать к Маруське. А ты, что готова будешь это терпеть? Вот ты оказывается какая! – Вскочил со стулом Соломон, гневно глядя на Маруську.

– До, этого не дойдет. Я гарантирую, – стал успокаивать его Филимонов. – Ну, погладит он ее по попке. А потом предложит сходить вечером в ресторан, чтобы продолжить знакомство уже в более подходящей обстановке. А там Маруся ему в бокал вина подсыплет порошок из растертой аскорбинки. А потом выйдет, носик припудрит и не видел ее никто.

– С каким же удовольствием, я это сделаю, – мстительно воскликнула Маруська.

– Но он же тебя лапать может начать еще в кабинете, – оборвал ее веселье Соломон.

– Не начнет, – уверенно отрезала Маруська, – Я поставлю условие, что готова с ним продолжить отношения вечером в ресторане.

– Отличная идея. Тебе Маруся надо в разведке работать, –

одобрительно похвалил Филимонов.

– Ага, как Мата Хари, – недовольно буркнул Соломон.

– Так, переходим к академику Огородникову, – продолжил Филимонов. – В университете появляется два-три раза в неделю, приезжает подписать бумаги. Лекции давно не читает. В кабинет поднимается по отдельному лифту. Всю остальную работу за него выполняют двое приближенных проректора. Ведет замкнутый образ жизни. Тут у меня честно никакого плана нет.

– К этому, как к Блудскому, в короткой юбочке не подкаптайся. Не пьет, не курит и в связях с девицами легкого поведения замечен не был, – добавила Маруся.

– Да, – отложив протокол задумчиво произнес Филимонов, – Вопрос. Как добраться до него? Разве как-то попробовать через приемную. Какие есть соображения на этот счет?

– Там в приемной сидит секретарша Огородникова, с тех пор еще, когда его назначили ректором. Настоящий цербер. Ее за глаза Грымзой называют. Не то, что студента, профессора на порог не пустит, без личного распоряжения Огородникова, – покачал головой Соломон. – И говорят, что воду или чай, он только из ее рук принимает.

– А вот это вариант, – оживился Филимонов, – Вот бы узнать, где находится этот чайничек.

– Без проблем. – Соломон достал смартфон и стал листать вкладки. – Тут мои друзья с мехмата, подключились к видеокамерам универа и можно онлайн войти почти в любое

помещение. Очень удобно, я некоторые лекции слушаю, теперь не выходя из дома. Вот кстати и приемная Огородникова. – Соломон положил смартфон на стол, развернув его к Филимонову. – Изучайте, лейтенант.

– А почему ты мне раньше об этом ничего не говорил? Ну, ты и гусь, Соломоша, – обиженно воскликнула Маруся, нахмутив брови, – Как это называется, а?

– Да, я только вторую неделю ей пользуюсь. Извини, не подумал.

– Так, замерли все, – хлопнул рукой по столу Филимонов, – Ваша Грымза встала и зашла в кабинет Огородникова. Идите, смотрите, – Он приподнял и вытянул руку со смартфоном перед собой, чтобы всем было видно.

На экране появилась картинка относительно небольшой приемной, разделенной стойкой на две половины. С внешней стороны стойки справа располагалась высокая двухстворчатая дверь, оббитая коричневым дерматином, за которой находился ректорский кабинет, а с внутренней стол секретарши с компьютером и оргтехникой. Дальше вдоль стены, тянулся шкаф с несколькими секция, а в самом углу, у окна, стоял невысокий столик и кулер с водой.

В это время дверная створка кабинета приоткрылась и из нее вышла женщина в строгом костюме, держа в одной руке небольшой поднос. Женщина прошла вдоль стойки и приоткрыв невысокую дверь с противоположной стороны, зашла в какое-то помещение.

– А там, что находится, – Филимонов чуть увеличил пальцами изображение на экране.

– Должно быть туалетная комната, – предположила Маруся. – А на подносе у нее как раз и был наш заветный чайничек.

И действительно, через несколько минут, дама снова появилась в приемной и зайдя за стойку, подошла к столику у окна и поставила на него поднос. В это же время картинка исчезла и экран смартфона замигал.

– Что случилось, – Филимонов вопросительно посмотрел на Соломона.

– Должно быть на пульте охраны какой-то сбой. Такое часто бывает. Камер дешёвых понаставили, – Соломон забрал смартфон и выключил его.

– В любом случае, мы теперь обладаем достаточной информацией. Но возникает следующий вопрос, как нам подбраться к чайничку, – побарабанил пальцами по столу Филимонов.

– Может попробовать залезть через оконную форточку, – предложила Маруся.

– Ага, приставить с улицы лестницу и подняться по ней на девятый этаж, – издевательски рассмеялся Соломон.

– У меня, между прочим, второй разряд по альпинизму. Я могла бы и с крыши спуститься, – с вызовом ответила Маруся.

– А форточку тебе кто, Грымза откроет, – Соломон посту-

чал кулаком по столу и плаксивым голосом произнес, – Анна Степановна, откройте окошко пожалуйста, мне вашему шефу витаминки в чай подложить надо. Чтоб он сдох.

– Дурак, – обиженно отвернулась Маруся.

– Подождите, – Филимонов постучал вилкой по графи-ну, – А ведь кто-то в кулере воду меняет? Не сама же она эту бутыль таскает?

– Хозяйственная служба для этого в универе есть. Встречаются иногда в коридорах работяги в серых комбинезонах с надписью АХО. Наверное они, – предположил Соломон.

– Спецовку такую достать не проблема, как и бутыль с водой, – Филимонов взял со стола ломтик лимона и опустив его в Марусин бокал с коктейлем, продолжил заговорщицки, – А потом подгадаем, когда вода в кулере у Грымзы закончится вода. Ты же можешь через свой смартфон отследить, Соломон? А дальше решим, как действовать.

– Без проблем.

– Тогда будем считать план по академику Огородникову в общих чертах прорисовался, – радостно потер руки Филимонов. – Остался некто Ветров, – Но, тут я думаю, больших проблем не возникнет. Надо подъехать вечером к винному магазину, возле его дома, где он обычно ошивается в надежде выпить вместе с такими же как он забулдыгами и предложить выпить на троих. Отказа с его стороны, точно не последует, – торжественно закончил Филимонов и нажал кнопку вызова официанта. Тот через минуту появился, положив на

стол книжечку со счетом.

– Ты не будешь возражать, Соломон, если я сегодня рас-
считаюсь, – спросил Филимонов, доставая из барсетки ко-
шелек.

– А сколько там вышло, – Соломон заглянул в счет и при-
свистнул, – На, такую сумму я честно не рассчитывал.

– Это же была моя инициатива, заехать в этот ресторан. –
Филимонов положил в книжку несколько купюр.

Они вышли из ресторана. На улице уже стемнело.

– Тут вам до дома два квартала. «И я сегодня пешочком
прогуляюсь», — протянул руку прощаясь Филимонов. – Ес-
ли план операции Бумеранг одобряете, – то я уточню детали
и позвоню тебе Соломон.

– Тогда уже полностью, бумеранг 52-22-52, -вопроситель-
но посмотрела на него Маруся.

–Отличное название, – согласно кивнул Филимонов.

Соломон с Марусей подошли к перекрестку, где стояла
машина скорой помощи. Водительская дверь открылась и из
кабины выпрыгнул на тротуар Филимонов в синем водитель-
ском комбинезоне.

– Залезайте внутрь. – Филимонов, сдвинул боковую
дверь, пропуская их в салон – Там в пакете медицинские ха-
латы и шапочки. По дороге переоденетесь. Ты, витаминки не
забыл растереть в порошок, – Он придержал за рукав куртки
Соломона.

– Вот, – Соломон вытащил из кармана картонную коробку и открыв ее протянул Филимонову. Внутри, ровной стопочкой лежали четыре одинаково свернутые в вощеную бумагу белых конвертиков и обертка от аскорбинки.

– Значит так, – начал инструктировать Филимонов, – Ты, Соломон, медбрат. Твоя задача носить вот тот оранжевый чемодан. Маруся, докторша, – и он вопросительно посмотрел на Марусю, – Ты давление мерять научилась, как я просил?

– И давление, и фонендоскопом слушать. И даже уколы делать, – гордо ответила Маруся, – У меня соседка по комнате в общеаге, на пятом курсе медицинского учится. Два вечера со мной практиковала.

– Отлично, – похвалил Филимонов, – Там кстати в чемоданчике одноразовые шприцы и упаковка ампул с физраствором. Вколи ему, если что. Вреда не принесет. Бутылка с водой и одноразовые стаканчики, то же в чемоданчике. Разведешь на месте порошок и дашь ему выпить. Вопросы есть?

– Нет, – одновременной ответили Маруся с Соломоном.

– Тогда поехали. – Филимонов задвинул боковую дверь и сел на водительское место.

Въезд во двор Сатраповской высотки перекрывал шлагбаум. Филимонов покрякал несколько раз сиреной и из двери охраны вышел заспанный мужичек в коричневой униформе.

– Из семьдесят восьмой вызов поступил, – опустив стекло безразлично произнес Филимонов. – Это какой подъезд?

– Четвертый, – потряс головой мужичек отходя ото сна и поднял шлагбаум.

С трудом пробираясь вдоль припаркованных авто и необруанных снежных куч Филимонов подрулил к шестому подъезду и остановившись, обернулся и заглянул в салон, где уже в синих медицинских костюмах сидели Соломон с Марусей: «Одноразовые маски наденьте, а будешь осматривать Хериенко, не забудь про резиновые перчатки. Все. На выход».

Они подошли к входной двери, и Соломон набрал на домофоне семьдесят восемь.

– Что надо, – раздался в ответ раздраженный женский голос.

– Скорая помощь, – наклонился к домофону Соломон. – Семьдесят восьмая квартира?

– Я не вызывала, – небрежно ответила женщина.

– Вызов сделал Хериенко Сергей Владимирович. Проживает у вас такой, – вежливо, по инструкции Филимонова, уточнил Соломон.

– Проживает. Пятнадцатый этаж, – недовольно ответил домофон и раздался щелчок открывающегося замка.

Соломон подмигнул Маруси и открывая дверь, пропустил ее вперед. Они поднялись вверх на старинном, решетчатом лифте и дождавшись, когда двери с шумом открылись, вышли в просторный вестибюль с двумя квартирными дверями.

– Вот семьдесят восьмая, – оглядевшись, Соломон подо-

шел к высокой бронированной двери и нажал кнопку звонка.

Через некоторое время, с той стороны раздались металлические звуки открывающихся запоров, дверь медленно открылась и в проеме возникла стройного вида женщина, за сорок пять, в спортивном костюме с ухоженным лицом.

Женщина продолжая стоять, молча рассматривая Соломона с Марусей.

– Разрешите, – нарушил молчание Соломон.

– Что он на этот придумал, – устало произнесла женщина, – Сердце, голова, ноги, жопа?

– Сердечный приступ. Такое пришло сообщение из колл-центра, – ответила Маруся.

– Жаль, что не жопа. Клизма бы ему не помешала, – тяжело вздохнула женщина, пропуская их в длинный слабоосвещенный коридор. В то же самое время, дверь в конце коридора, чуть приоткрылась и раздался требовательный, немного визгливый, старческий голос: Кто там, Соня?

– Скорая к тебе приехала, вызывал? – спросила в ответ женщина.

– Раз приехала, значит вызывал. Пусть подождут пять минут, – сердито ответил голос.

– Подождите, пожалуйста. «Сейчас он мученическую позу примет», — уже немного виноватым голосом произнесла женщина. – Можете не разуваться, я протру потом пол.

– И часто у него приступы, – с сочувствием спросила Маруся.

– Постоянно, – махнула рукой женщина в ответ, – Жизни уже от него никакой. Он нас скоро всех в психушку загонит, – и она, быстро оглядев Соломона с Марусей, спросила, – А кто из вас врач?

– Я, – поспешно ответила Маруся.

– Доктор, – страдальчески посмотрела на нее женщина, – Заберите его пожалуйста отсюда.

– Куда, – растерянно переспросила Маруся.

– Хоть куда. В больницу. Куда ни будь. Хоть на недельку от него избавиться.

– Но... Он же ведомственный пациент. Мы не можем его в обычную городскую больницу отвезти, – немного растерявшись, ответила Маруся.

– А вы отвезите его в их больницу. Это система госбезопасности, – и тут женщина, похлопав себя руками, достала из кармана кошелек, – Я заплачу. Сколько скажите.

– Пусть входят, – раздался из-за двери все тот же требовательный старческий голос.

– Извините. Мы его сначала осмотрим, а потом решим, – неловко улыбнулась Маруся и кивнула Соломону, – Пошли.

В большой, светлой комнате с высокими потолками, на кожаном диване, поверх одеяла лежал сухенький старичок в полосатой пижаме со сложенными на груди руками. Глаза его были прикрыты, и он тяжело, с паузами дышал, сопровождая это легким постаныванием.

На стене, над диваном висел парадный, генеральский ки-

тель с орденами и множество фотографий, на которых был изображен, судя по всему, сам Хериенко, разного возраста и званий.

– Здравствуйте, – вежливо произнесла Маруся.

– Какой здравствуйте. Не видите я умираю, – генерал приоткрыл один глаз и посмотрел на Марусю.

– Мы вам не дадим, – приветливо улыбнулась Маруся, – Соломон, поставь мне стул рядом с диваном и открой чемоданчик.

Маруся села на стул, достав тонометр, поставила его на край дивана.

– Давайте сначала померяем давление. Я вам помогу. – Она закатала рукав пижамы генерала и ловко закрутив манжет, стала качать воздух. «Сто сорок, на восемьдесят. В принципе нормальное для вашего возраста. Проверим пульс». Она взяла кисть генерала и сделав небольшую паузу добавила: «Пульс немного учащенный. Послушаем сердечко. Я сама расстегну вам куртку». Маруся вставила в уши оливы фонендоскопа, висевшего у нее на шее, и расстегнув пуговицы куртки, приложила мембрану к покрытой растрепанными седыми волосами груди генерала. Послушав, она уверенным голосом, снимая фонендоскоп, произнесла: «Сердце работает ритмично. С этим проблем у вас сейчас нет».

– Я и без вас знаю, – уже примирительно произнес генерал и открыв второй глаз, внимательно посмотрел на Марусю. –

Вам сколько лет?

– Двадцать три, – прибавила два года Маруся, – Я учусь в медицинском. И два раза в неделю дежурю на скорой. Может вас, что-то еще беспокоит?

– Беспокоит, – вполголоса произнес генерал и поманил рукой Марусю, – Они беспокоят. Мои домочадцы. Они хотят меня отравить. Понимаете?

– Не очень, – также вполголоса ответила Маруся, – Тогда вам лучше вызвать полицию?

– Полицию. Кха-кха-кха, – как будто кашляя, рассмеялся генерал – Да, я сам генерал полиции. Даже еще выше. – Он поднял руку в сторону висевшего на стене мундира.

– Я не знаю, чем вам помочь тогда, – пожала плечами Маруся, – Давайте я дам вам успокоительного.

– Что у вас за успокоительное, – с явным интересом переспросил генерал.

– Абсолютно безвредное для организма, – Маруся нагнулась к чемоданчику, вытащила коробку с пакетиками аскорбинки, открыла ее и протянула генералу, – Это смесь аскорбиновая кислоты с экстрактом пустырника. Называется Пустарбинка. Моя бабушка им всегда пользовалась, еще в советские времена. Его только надо развести на полстакана воды.

– Советские, это хорошо, – утвердительно кивнул генерал, привставая и опуская ноги на пол. – Только надо сходить, набрать воды из-под крана. Их водой, моих отравителей, ни

в коем случае пользоваться нельзя.

– Не надо из-под крана, – Маруся достала бутылку воды из чемоданчика и протянула ее Соломону, – Сделай раствор генералу.

– Только, чтобы я все видел, – погрозил ему пальцем генерал.

Соломон демонстративно высыпал порошок в стаканчик. Налил воды и распечатав пластиковую ложечку, медленно перемешал и протянул генералу: «Готово».

Генерал сделал небольшой глоток, почмокал и с явным удовольствием, медленными глотками выпил. «А ничего, вкусненькая, – он протянул стаканчик Соломону, – Я бы, пожалуй еще один выпил».

– Нет, нельзя. Передоз будет, – покачал головой Соломон.

– Это надо будет принимать два раза в день, перед сном и утром, натошак. В аптеках отпускается без рецептов, – мило улыбаясь, добавила Маруся.

– Как вы сказали оно называется, – генерал протянул руку к тумбочке и взял записную книжку с заложенным карандашом.

– Пустарбинка. Через а.

– Почему через а, – уточнил генерал, начиная записывать.

– От слова аскорбинка.

– Понятно, – кивнул генерал и старательно вывел слово, – Позвоню сейчас своим. Они мне мигом привезут.

– Нет. Сначала проверьте, как подействует. Закройте гла-

за и пальцем дотянитесь до кончика носа, – приказала Маруся.

Генерал послушно выполнил команду, прикоснувшись к носу.

– Отлично, – стала собирать чемоданчик Маруся, – Если завтра, не промахнетесь, тогда можно уверенно применять, как я говорила, два раза в день.

– А если промахнусь, – генерал снова потрогал пальцем нос.

– Тогда, без аскорбинки, только пустырник. Двадцать капель на полстакана, – Маруся встала со стула, – Коллега, оставьте пожалуйста воду пациенту.

Соломон протянул бутылку генералу и взял чемоданчик.

– До свидания, – Маруся поправила халатик и указала Соломону на дверь. Генерал ничего не ответил, продолжая автоматически отводить руку, доставая пальцем кончик носа.

Они вышли, плотно прикрыв дверь. Женщина все также стояла в коридоре.

– Извините, для госпитализации повода нет, – остановилась возле нее Маруся.

– Странно, – с интересом взглянула на нее женщина, – Он никогда так спокойно себя не вел. Обычно он провожал врачей криками и руганью.

– Я дала ему успокоительное. Надеюсь, оно теперь надолго подействует.

– Спасибо, – женщина протянула ей деньги.

– Не надо, это наша работа, – отстранила руку Маруся, – Соломон, на выход.

«Ну, ты настоящая Мата Хари, – с восхищением произнес Соломон, когда двери лифта с грохотом закрылись и он стал медленно спускаться вниз. – Так, обработала старичка. Мне даже его немного жалко стало».

– Угу. Только вот он никого, никого не жалел. Надеюсь, полет пройдет нормально.

На улице, вдоль машины нервно расхаживал Филимонов.

– Ну, что, – он испытывающее посмотрел на них.

– Первый номер готов, товарищ лейтенант, – отдавая честь, весело ответила Маруся.

– Тогда валим быстрее отсюда, – Филимонов развернулся к машине и отодвинул в сторону дверь.

Серый фордик Филимонова, притормозил рядом со стоящими на тротуаре Соломоном и Марусей.

– Замерзли, – открыл дверь Филимонов, – Залезайте.

Маруся с Соломонов забрались на заднее сидение.

– Рассказывайте, – обернулся к ним Филимонов.

– Пусть она рассказывает, – недовольно буркнул Соломон и отвернулся к окну.

– Я вчера заполнила форму на интервью с Блудским и отправила на сайт его пресс-секретаря. А сегодня утром, он позвонил и пригласил на предварительное собеседование.

– На собеседование с кем, – не понял Филимонов.

– С пресс- секретарем. Неприятный тип, – Маруся пере-
дернула плечиками.

– Что, сразу стал приставать, – не отворачиваясь от стекла,
спросил Соломон.

– Нет. По моему голубой. Я закурю, – Маруся вытащила
сигаретку и не дожидаясь разрешение, чуть опустила стекло
и чиркнула зажигалкой. – В общем, проверил мой студенче-
ской. Не мой конечно. На несуществующее лицо. А фотка
там размазанная. А потом подвел меня к белому экрану и
сделал несколько фото.

– В неглиже, – ехидно уточнил Соломон.

– В чем пришла. В джинсах, блузке. Объясним, что это
обязательное требование службы безопасности. Вот и все, –
Маруся выпустила тонкую струйку дыма в окно. – И сказал,
что если мою кандидатуру одобряют, то мне позвонят и назна-
чат время интервью. А сегодня, в обед, он позвонил и ска-
зал, что будет меня ждать в авто, в девятнадцать ноль-ноль,
чтобы отвезти на интервью с Блудским по этому адресу. –
Маруся достал блокнотный листок и протянула его Филимо-
нову, – Там ниже номер его машины. Черный мерседес.

Филимонов, взяв листок и прочитал адрес, задумчиво
произнес, – Это переулок, рядом с рестораном Армения.
Все-таки эти скандалы подействовали на Блудского, он стал
осторожничать. Сейчас я попробую пробить номер его ма-
шины. – Филимонов достал мобильник и набрал номер:

«Але, Петя. Филимонов. Пробей пожалуйста по базе мне один номерок авто». Через несколько минут, услышав ответ, он выключил телефон и посмотрел на Марусю. «Это номер машины Блудского. Что делать будем?»

– Надо ехать, – невозмутимо ответила Маруся, – Все идет по намеченному плану. Он пригласит меня в ресторан, где его и постигнет карающее действие аскорбинки. Заводи машину, лейтенант.

Через полчаса они подъехали к указанному адресу. Припарковаться было негде, вдоль тротуара плотно стояла вереница авто и Филимонов, притормозив, включив сигнал аварийки:

– Выходите. Но вместе не стойте. Соломон, отойди метров на сто и наблюдай. Я проеду дальше и попробую, где ни будь приткнуться.

Они вышли, а Филимонов поехал вперед в надежде припарковаться. Но не найдя свободного места, он вынужден был доехать до перекрестка и дождавшись зеленого светофора, свернув направо и объехав квартал, только минут через пятнадцать вернулся к месту, где остались ребята.

На тротуаре стоял один Соломон, который увидев фордик, отчаянно замахал руками.

– Что случилось, – притормозил машину, Филимонов распахнул пассажирскую дверь.

– Они уехали, – плюхнулся на сиденье взволнованный Соломон, – Минут пять назад, на машине Блудского.

– Догоним, – Филимонов вытащил из-под сидения проблесковый маячок, вставил штекер провода в прикуриватель и опустив стекло намагнитив его на крышу фордика, резко рванул вперед.

На перекрестке, у светофора стояла дежурная машина ДПС. Филимонов притормозил рядом и через опущенное стекло показал красные корочки, сидевшему внутри полицейскому в желтом жилете:

– Коллега, куда свернул представительский мэрс, – Он назвал номер, – Я в скрытом сопровождении должен быть, но закимарил случайно.

– Налево, по проспекту, в сторону области пошел, – понимаяще кивнул в ответ полицейский.

– Спасибо, дружище. – Филимонов выехал на перекресток и с визгом тормозов, резко свернул налево и вдавив педаль газа в пол, помчался, обгоняя поток машин, по полосе реверсивного движения.

Через несколько минут, они увидели ехавших впереди черный мерседес с проблесковым маячком на крыше.

– Кажется наш, – включив дворники, всматриваясь в номера, с надежной произнес Филимонов.

– Да, этот, – подтвердил Соломон, – У него на заднем стекле шторки белые были.

Держа дистанцию от мерса, они проехали еще минут двадцать и мерс, включив поворотник стал уходить вправо и дойдя до крайней полосы, свернул с магистрали, и поехал

по дороге в сторону жилого массива. Филимонов, выключил маячок и продолжая сохраняя небольшую дистанцию поехал следом. Покрутившись между домами, мерседес подъехал к двухэтажному зданию с яркой неоновой вывеской «ресторан Коста Браво».

– Фу, облегченно выдохнул Филимонов, – Кажется все сработало как задумали. Сейчас он поведет Марусю в ресторан. А нам остается только сидеть и ждать финала.

Но тут распахнулась водительская дверь из нее вылез на тротуар мужчина в строгом черном костюме. Он наклонился в салон, видимо разговаривая с пассажиром, а потом выпрямился и быстрым шагом направился к входу в ресторан.

– Это, что выходит, Маруська с Блудским остались внутри, – тревожно произнес Соломон.

– Подождем не много, – успокаивающе похлопал по колену его Филимонов. – Если что, вмешаемся.

В это время ресторанный дверь распахнулась и на улицу вышел водитель мерса, держа в руке увесистый белый пакет. Он вернулся к авто и постучал рукой по заднему пассажирскому стеклу. Тут же дверь приоткрылась, и водитель протянул внутрь пакет и неспеша вернулся в ресторан.

– Что это значит, – напрягся Соломон.

– Судя по всему он принес вино и фрукты им в машину, – рассудительно ответил Филимонов.

– Но, ей же надо будет, после этого выйти в туалет попудрить носик, как ты планировал. А здесь некуда идти, – с оже-

сточением напомнил Соломон. – У тебя есть молоток?

– Зачем тебе, – опешил Филимонов.

– Я разобью им стекла и освобожу Марусю.

– Нет. Молотка у меня нет. У меня есть более веский аргумент, – покачал головой Филимонов, и отвернул обшлаг куртки, чуть приподнял руку. Из кобуры, виднелась ручка пистолета. – Ждем десять минут. И я иду проверять у них документы. Думаю, за это время Блудский успеет выпить свой роковой бокал вина. До приставаний за это время не дойдет, успокойся, – и он посмотрел на наручные часы. – Время пошло.

Через десять минут, Филимонов достал из кармана красные корочки и открыл дверь фордика.

– Я с тобой, – встрепенулся Соломон.

–Нет. Сиди здесь и не выходи. Ты только все можешь испортить.

Филимонов вышел из машины и неспеша направился к мерседесу. Подойдя, он обошел его вокруг и чуть наклонившись постучал в заднее стекло, с той стороны, куда водитель передавал пакет. Неожиданно открылась противоположная дверь и из нее на дорогу выбралась Маруся, застегивая на молнию курточку. Филимонов быстро подошел к ней, что-то спросив, заглянул внутрь салона, а Маруся, повернувшись лицом к фордику помахала ручкой. Филимонов распрямился, захлопнул дверь, и они с Марусей быстро вернулись обратно, где, уже выйдя из машины поджидал их Соломон.

– Все нормально, Соломоша. Клиент готов, – приподнявшись на цыпочки, чмокнула его в щечку Маруся.

– Быстро, садимся в машину. По дороге расскажешь, – приказал Филимонов, прыгая на сидение и включая зажигание.

– Так я не понял, почему он уснул, – отъехав от ресторана, оглянулся на задние сидение Филимонов, где, обнявшись сидели Маруся с Соломоном.

– Я вспомнила твой рассказ про клофелинщиц, лейтенант, – весело ответила Маруся. – И на всякий случай, прихватила с собой пару таблеток. Мне его подруга из медицинского достала. Так, что в первом бокале шампанского я растворила клофелин. А во втором уже был аскорбиновый порошок. Третий, я с удовольствием выпила в одиночестве. Блудский уже еле ворочал языком. Ой, а шампанское такое вкусное, – и она, расстегнув курточку, достала открытую бутылку шампанского.

– Мата Хари! – В один голос произнесли Соломон с Филимоновым.

– Ничего с Огородниковым не получится по твоему плану, – входя в Бургер Кинг, и садясь за стол, где его уже ждали Филимонов с Марусей, расстроено произнес Соломон.

– В чем проблема, – протянул ему пакет с заказом Филимонов.

– Воду в кулер, привозит специальный курьер по звонку Грымзы.

– Нестыковоча вышла, – огорченно вздохнул Филимонов, – А запасного варианта у нас не было. Моя недоработка.

– Почему не было? Был, – Маруся, сделав невинное лицо, макнула ломтик картофеля в соус.

Соломоном вопросительно посмотрел на нее: «Если у тебя был, что же не поделилась. Или мы не одна банда?»

– Как, – удивленно развела руками Маруся, – Я же предлагала. Спустится к окну с крыши на альпинистской веревке. Кстати, я ведь два года уже занимаюсь в нашей университетской секции. Мы осенью отрабатывали спуски как раз по стене, именно с крыши универа. Во внутренний дворик выходит глухая стена. Закрепился к стойке парапета и вниз. Все снаряжение в самом универе находится, в секции альпинизма. Мне дадут без проблем.

– И как, по-твоему, отреагирует Грымза, увидев тебя висящей на веревке за оком, – Соломон обхватил руками шею и издал удушающий звук.

– Нормально отреагирует, – пропустила шутку Маруся. – Я спущусь на сидушке, как будто мойщик окон. А дальше...

– Выбьешь ногой стекло, – со смехом перебил ее Соломон, – Влезешь в кабинет. Грымза от страха потеряет сознание, а ты в это время насыплешь в чайник аскорбинку. Да?

– Все будет по-другому, малыш, – самоуверенно произнесла Маруся, – Я сделаю вид, что у меня заклинило спуск-

ное устройство и я не могу подняться наверх. Грымза надеюсь не настолько бесчеловечна, чтобы оставить висеть за окном замерзающего бедолагу.

– План настолько невероятный, что может сработать, – потер ладонью лоб Филимонов, – А ты уверена, что это безопасно?

– Абсолютно. У меня второй разряд по альпинизму. Слушайте, давайте все-таки поедим, – и Маруся начала разворачивать гамбургер. – Кстати, Филимонов, ты обещал сообщить, что дальше произошло с нашими первым и вторым номерами.

– Все как нельзя лучше. Аскорбинка сработала. Вот, тут к нам в отдел «молнию» пришла сегодня. – Он вытащил из кармана свернутый лист бумаги и развернув его положил на стол. На листке были размещены два официальных портрета в анфас Хериенко и Блудского, а ниже крупными буквами МОЛНИЯ и далее машинописный текст. Соломон взял листок и стал читать вслух: «Всем начальникам райотделов полиции города. В понедельник, ориентировочно в пятнадцать ноль – ноль, вышел из дома на Сатраповской набережной и не вернулся, генерал Хериенко В.В. Он был одет коричневую дубленку и белые, подбитые кожей армейские валенки. На голове, каракулевая папаха с кокардой. Во вторник, приблизительно в двадцать часов, возвращаясь на авто с работы, в районе Кутузовского лесопарка, пропал заместитель председателя Госдумы Блудский Л.Э. На нем было надето легкое

черное пальто. Приказываю, растиражировать фото вышеуказанных лиц и раздать их всем, без исключения сотрудникам ваших подразделений. При получении какой-либо информации о возможном их нахождении, срочно сообщать по нижеуказанным телефонам. Начальник УВД города Квасквы».

– А по своим каналам, удалось получить немного конфиденциальной информации, – дождавшись, когда Соломон закончил читать, продолжил Филимонов. «Генерал Хериенко через полчаса, после отъезда скорой помощи, которую он вызывал, оделся и вышел из дома. На вопрос проживающей с ним дочери о цели прогулки, ответил, что идет в аптеку за выписанным врачом лекарством. Но все опрошенные сотрудники ближайших аптек, заявили, что такой гражданин к ним не обращался. А с Блудским еще интересней история произошла, – усмехнулся Филимонов. – Со слов водителя, по дороге домой, они заехали в придорожный ресторанчик, забрать заказ. Водитель пошел в ресторан, забирать продукты, а когда вернулся, Блудский крепко спал на заднем сидении. По дороге, он проснулся и захотел в туалет. Водитель свернул в аллею лесопарка и остановился у трансформаторной будки. Блудский зашел за угол будки и больше оттуда не выходил. Водитель позвонил в службу госбезопасности. Те приехали, обшарили все кругом, но кроме следов Блудского в снегу, ничего не обнаружили. Вот такие загадочные истории случились в нашем городе на этой неделе»

– Надеюсь не последние, – констатировала Маруся.

– Это дело, стоило бы обмыть, – предложил Соломон.

– Принимается. Едем в кафе Лиру. Заодно и обдумаем в деталях план по Огородникову. – Филимонов достал телефон и стал набирать номер.

Соломон с Филимоновым подошли к заснеженной скамейке в университетском сквере.

– Отсюда хорошо видны окна Огородникова, – произнёс Соломон, разглядывая фасад здания университета.

Они расчистили снег со скамейки и устроились наблюдать. Филимонов вытащил из-под куртки бинокль и приложил к глазам:

– Где ты говоришь, окна приемной Огородникова, – наводи резкость, спросил Филимонов.

– На девятом этаже. Как раз над порталом главного входа.

Филимонов поведив биноклем по зданию, ища окна приемной: «Засек. Кстати, форточка открыта»

– Кажется Маруся появилась на крыше, – подскочил Соломон, – Дай-ка свой бинокль.

Филимонов протянул ему бинокль.

– Она. Что-то привязывает к парапету, – начал комментировать Соломон, – Все по правилам, в желтом жилете. В каске, в защитных очках. Ай, – испуганно воскликнул Соломон.

– Что случилось?

– Она повисла на карнизе и уперлась ногами в стену.

– Дай бинокль, посмотрию. – Филимонов забрал бинокль и навел его на место, где под карнизом зависла Маруся: «Все нормально. Она уже на сидушке началась спускаться вниз».

– Мата Хари, мать ее, – выдохнул облегченно Соломон.

В это время Маруся прикрепила к сидушке ведро и щетку для мытья окон и начала медленно спускаться. Опустившись до уровня окон приемной, она уперлась ногами в стену и чуть подавшись назад, достала пульверизатор, побрызгала из него на стекло, и стерев щеткой моющийся раствор, стала тщательно вытирать окно тряпкой. Закончив с одной створкой окна, она чуть спустилась вниз и отталкиваясь ногами перепрыгнула ко второй.

– Кажется все. Основное окно помыто. Остался верхний проем, рядом с форточкой, – глядя в бинокль, сообщил через несколько минут Филимонов.

Маруся в это время поднялась на веревке чуть вверх и встав на карниз, стала в той же последовательности отмывать верхние стекла. Закончив, она закрепила щетку карабином к веревке и немного поднявшись вверх, сидя на сидушке, зависла, чуть раскачиваясь, посредине окна.

Филимонов взглянул на часы: «Двенадцать тридцать. В тринадцать Грымза должна подавать обязательный чай Огородникову. У Маруси полчаса».

– Время достаточно, лишь бы Грымза ее пустила во внутрь. «В чем я не до конца уверен», — произнес Соломон, пристально вглядываясь в маленькую фигурку Маруси, ви-

сящую у окна.

– Помолчи лучше, – одернул его Филимонов.

В напряженном ожидании прошло уже десять минут. Маруся продолжала безрезультатно висеть у окна.

– Она там замерзнет скоро. – Соломон включил смартфон и посмотрел на экран. Минус пять на улице. Может пора отбой давать?

– Так граждане, а что мы тут высматриваем с помощью спецсредств, – раздался сзади требовательный мужской голос. Они оглянулись. В метре от них стояли два постовых милиционера в черных форменных бушлатах.

Филимонов переложил бинокль в другую руку и достав удостоверение из внутреннего кармана, развернул его и протянул постовому: Лейтенант Филимонов, оперуполномоченный сто девятнадцатого отделения полиции. Осуществляю наружное наблюдение. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ лейтенант, – козырнул ему постовой, и они с напарником развернулись и пошли дальше по аллее.

– А Маруськи то нет, – радостно воскликнул Соломон, поворачивая голову сторону университета.

И действительно, сидуха продолжался качаться на веревке перед закрытым окном приемной, но уже без Маруси.

– Фу-у, – выдохнул Филимонов, – Значит ваша Грымза, не такая уже и Грымза. Самое опасное позади. Теперь осталось дожидаться развязки.

– Пойдем к входу, оперуполномоченный. Там будем

ждать. Не хочется лишний раз с ментами вашими встречаться, – потянул его за рукав Соломон.

Простояв у входа в университет с полчаса, Соломон предложил зайти внутрь, погреться. И только он открыл входную дверь, как навстречу вышла Маруся с покрасневшимся лицом.

– Все нормально, мальчики. Чай подан, – устало улыбнулась Маруся.

– А что так долго тебя не было, – Соломон, притянул к себе Марусю и поцеловал в щеку, – Ух, холодная какая.

– Так мне пришлось снова на крышу подниматься, забирать снаряжение. Замерзла дико. Я бы сама от горячего чая сейчас не отказалась.

– Тогда пошли в нашу столовку. Там и отогреешься, и расскажешь подробности, – Соломон снова открыл дверную створку, – Филимонов, проходи?

– Нет, ребята. Мне через час на дежурство заступать. Завтра увидимся, – и он вытащил из кармана бинокль и протянул его Марусе, – «А это тебе, от командования, за успешно проведенную операцию».

Соломон вышел из метро на улицу и достав смартфон забил в навигаторе адрес Ветрова и пошел по обозначенному маршруту. Навигатор постоянно давал сбой и Соломону пришлось чуть ли не час плутать по району, застроенному одинаковыми панельными пятиэтажками. Наконец найдя

нужный адрес, он поднялся на второй этаж, где на лестничной клетке размещались две облезшие двери, без указания номера квартиры. Нажав наугад кнопку звонка правой двери, он через некоторое время услышал щелчок открывающегося замка и дверь слегка приоткрылась, удерживаема изнутри цепочкой, и из темного пространства раздался глуховатый женский голос: «Ты кто такой? Не знаю я тебя».

– Простите, мне Ветров нужен. «Он здесь живет», — вежливо спросил Соломон.

– Никогда он здесь не жил и не живет, – раздраженно ответил голос из-за двери.

– Извините, я дверью ошибся, – Соломон развернулся и подойдя к соседней двери, не найдя кнопки звонка, постучал несколько раз кулаком в дверь.

– Зря барабанишь. Нет его там, – раздался сзади язвительный голос соседки, продолжающей наблюдать за Соломоном в приоткрытую щель.

– А где мне его найти? Мне надо ему бандероль заказную вручить. Я почтальон, – и Соломон сунул руку в карман, вытащил картонную коробку с аскорбиновыми конвертиками.

– Известно, где. У универсама, наверное, околачивается, со своими дружками- алкашами. Где ему еще быть, – зло ответила соседка и захлопнула дверь.

Выйдя на улицу, Соломон, расспрашивая редких прохожих, через полчаса подошел к павильону еще советского универсама и обойдя его увидел троих местных выпивох, о

чем-то весело переговаривающих под решётчатой витриной с вывеской «Вино-воды».

– Ребята, а не подскажите как мне Аркадия Ветрова найти, – подойдя к ним, непринуждённым тоном спросил Соломон.

Мужички, сразу замолчали, с интересом разглядывая Соломона.

– Зачем он тебе нужен, – подозрительно спросил один из них, в телогрейке на голое тело и спортивных штанах, заправленных в резиновые сапоги, судя по всему вожак.

– Да вот, лекарство просили передать, – Соломон снова вытащил и показал им картонную коробку.

– Лучше бы бутылку ты ему привез, – щёлкнул пальцем по горлу мужичек в телогрейке, а двое остальных радостно загоготали.

– Ну, правда, не видели. Домой заходил, соседка сказала, что здесь должен быть, – и Соломон, вытащив из кармана помятый стольник, протянул его мужичку в телогрейке, – Мне бы быстрее отдать, а то я на лекцию опаздываю.

– Отказано ему здесь, – разглядывая стольник, ответил тот, – За недостойное, советского человека, поведение.

– В каком смысле, – не понял Соломон.

– А в таком. Он две недели взносы не делал в кассу взаимопомощи, исчерпал лимит доверия. А вот тебя, студент, мы можем принять в наши дружные ряды, – и вожак, взяв стольник, который продолжал протягивать Соломон, передал его

кому- то из собутыльников. – Сходи, Петя возьми беленькую. Теперь хватит.

– Мужики, не обижайтесь, но мне бы Ветрова всё-таки найти.

– Где он может сейчас быть, Вася, – оглянулся на собутыльников вожак.

– У подземного перехода, должно быть побирается, -ответил третий, в пожелтевшей кроличьей шапке, – Вниз по дороге пойдешь, парень. А на перекрестке, свернешь направо. Через метров триста, будет этот переход, рядом с автобусной остановкой.

– А как я его узнаю?

– У него шарф длинный вокруг шеи намотан. Говорит, что специально носит, чтобы повеситься на нем когда-нибудь, – хохотнул Вася.

– Спасибо, – поправив рюкзак, ответил Соломон и зашагал, в указанном направлении.

Спустившись вниз, к перекрестку, Соломон подошел к остановке, как раз когда из подъехавшего автобуса выходили пассажиры. Люди быстро разошлись в разные стороны и только внутри остановки, на лавочке, остался сидеть, понуро склонившись пожилой мужчина в вязаной шапочке и длинном шарфе, грязного цвета, обмотанного вокруг воротника засаленного пуховика. Мужчина держал в вытянутой руке, бумажный стаканчик и что-то неразборчиво бубнил себе под нос. «Вот ты значит, какой Ветров», – подумал Соломон,

присаживаясь рядом на скамейку.

– Троллейбуса давно не было, – Соломон, снял рюкзак и поставил на колени.

– Троллейбуса, – мужчина приподнял лицо, покрытой длинной, седой щетиной и посмотрел на Соломона. Белки глаз у него были желтоватого цвета. – Троллейбусы здесь не ходят, – произнес он хриплым голосом.

– Значит мне неправильно объяснили, – зябко передернул плечами Соломон, – Час уже брожу. Продрог весь. – И он, расстегнув рюкзак, достал четвертинку водки. – Ну, что согреемся друг? А то я один не люблю пить.

– Я не против, – растянул в беззубой улыбке рот – Ветров и протянул бумажный стаканчик, нам дне которого лежали две серебристые монетки, – Наливай.

– У меня есть одноразовые, – Соломон вытащил пластиковый стаканчик и открутив крышку, плеснул в него немного водки и поставил на скамейку, рядом с Ветровым. – Пей!

Ветров, громко сглотнув слюну, взял чуть дрожащей рукой стаканчик, медленными глотками выпил и поставив на место стаканчик, вытер губы концом шарфа, – Спасибо, товарищ.

– Извини закусить нечем. Вот только водичка есть, – Соломон вытащил небольшую пластиковую бутылочку с водой и налил немного в стакан, – Запей.

Ветров послушно взял стакан, выпил и посмотрел на Соломона: «А ты чего себе не наливаешь?»

– Сейчас налью. – Соломон достал второй стаканчик, плеснул в него, а Ветрову налил уже полный.

– А чего себе так мало, – жадно схватил стаканчик Ветров.

– Мне хватит. Будь здоров, – и Соломон беззвучно чокнулся со стаканчиком Ветрова, выпил.

– И тебе добрый человек, всего самого хорошего, – Ветров также мелкими глотками выпил водку и спросил, – У тебя закурить не найдется?

– Не курю, – Соломон плеснул в его стаканчик немного воды, – Запей.

Ветров снова послушно выпил и встав со скамейки подошел к стоящей в стороне урне, и порывшись внутри, вытащил длинный окурок.

– Кто ищет, тот всегда найдет, – он весело показал окурок Соломону и достав зажигалку, прикурил и снова сел на скамейку. – Эх, вот и жизнь бессмысленно заканчивается. А так все хорошо начиналось.

– Когда начиналось, – переспросил Соломон.

– В прошлые времена. «Во времена моей молодости», — с ностальгией в голосе произнес Ветров, выдыхая сигаретный дым.

– Что тогда лучше было?

– Лучше? – Ветров закашлялся старческим смехом. – Эх, парень, ты даже не представляешь какое это было прекрасное время. С нынешним, точно не сравнить.

– Хотели бы туда вернуться? – Соломон вылил остатки

водки ему в стакан и бросив бутылку в урну, сунул руки в рюкзак и открыл крышку коробки с последним конвертиком порошка.

– Да я бы, как Фауст, душу Мефистофелю отдал, чтобы снова оказаться в том времени.

Соломон начал было разворачивать конвертик с порошком, но на последних словах Ветрова, остановился и немного подумав, свернул его обратно, закрыл коробку, застегнул рюкзак и встал со скамейки:

– Ладно, друг. Пора мне. Пойду искать троллейбусную остановку.

Но Ветров как будто его уже не слыша, а сидел, опустив голову, что-то бормоча себе под нос.

Соломон чуть отошел от остановки, как сзади раздался окрик Ветрова:

– Эй, парень!

Соломон оглянулся.

– А, что ты хотел?

– Ничего. Просто познакомиться, – покачал головой Соломон и забросив рюкзак за плечи, быстро пошел в сторону метро.

Проходя через сквер, Соломон увидел впереди застрявшего в снегу мужчину в инвалидном кресле. Тот безуспешно пытался выехать из сугроба.

– Я вам помогу, – подбежал к нему Соломон и разгребая

ногами снег, взявшись за поручень коляски и вытащил ее на дорожку. – Все.

– Спасибо, – мужчина развернулся на коляске к Соломону. Это был пожилой человек, с одутловатым лицом, покрытым красноватыми прожилками. На голове у него была надета серого цвета зимняя офицерская шапка с опущенными ушами. – Без вас я бы не выбрался.

– Сейчас рискованно одному на таком транспортном средстве перемещаться, да еще без зимней резины, – пошутил Соломон.

– Старый дурак, – внимательно всматриваясь в лицо Соломона, усмехнулся мужчина. – Курево закончилось. А дочка только вечером, после работы собиралась заехать. Вот, я не выдержал и решил поехать сам. Но не справился с управлением.

– У меня немного времени свободного есть, – посмотрел на экран смартфона Соломон, – Лекция в два часа только начинается. Давайте я вам помогу.

– Да, тут табачный киоск совсем рядом, за сквером, – обрадовался незнакомец.

Соломон, обошел кресло и взялся за ручку спинки, – Куда едем?

– В обратную сторону, – скомандовал мужчина и Соломон, развернув кресло, покатил его вперед по дорожке.

Они подошли к киоску и мужчина, купив сигарет протянул Соломону сто рублей, – Спасибо, парень. Это тебе за ра-

боту.

– Это безвозмездная помощь, – покачал головой Соломон, – Давайте я вас теперь до дома довезу. Одному вам рискованно. Показывайте дорогу.

– В обратную сторону, – махнул рукой мужчина. – Там за сквером, еще метров пятьсот и моя девятиэтажка. Сразу увидишь.

Сидор докатил мужчину до дома и остановился у подъезда: Дальше куда?

– Закатишь внутрь. Я кресло оставляю под лестницей. А дальше уже сам на лифте до квартиры доковыляю, – мужчина указал на небольшой пандус, чуть в стороне, спускающийся с крыльца. – Только если пять минут еще есть у тебя, дай я покурю на свежем воздухе.

– Курите, – согласился Соломон.

Мужчина распечатал пачку и с достав сигарету наслаждением закурил.

– Так ты значит студент, – выпуская кольцо дыма спросил мужчина.

– Да, в универе, на биофаке учусь.

– Надо же совпадение какое, – удивленно покачал головой мужчина.

– Что за совпадение?

– У меня память на лица профессиональная, – сделав паузу, затянулся сигаретой мужчина, – Я бывший мент, в угрозыске тридцать лет отслужил. – Вот не помню в каком году,

но это давно было, несколько десятилетий назад, мне одного студента привезли. Я когда тебя увидел в сквере, удивился, одно лицо. И тот то же, кажется, с биофака был.

– И что же он натворил, – осторожно спросил Соломон.

– Ерунда. И даже не по моей линии. Мне знакомый тогда позвонил. Попросил развести этого студента. Ему надо было, чтобы тот подпись на каком-то протоколе поставил. Не знаю, для чего это моему знакомому было нужно. Даже не вникал.

– И что тот подписал?

– Обработать пришлось немного, одним из провороненных способов.

– Что за способы, – нахмурился Соломон.

– Не, не. Ты не подумай ничего дурного, парень, – замахал руками мужчина, – Без рукоприкладства. Это не мой метод. У меня два основных – припугнуть или обласкать. В смысле пообещать смягчение за добровольные показания. Действуют замечательно на неопытных. А таких большинство.

– Докуривайте, мне уже пора, – подошел к креслу Соломон.

– Да, да, извини, – мужчина бросил окурок в урну, отпустил ручку тормоза и протянул связку ключей, – Там магнитный ключ, приложи к кнопке замка.

Соломон развернул кресло и втокнул его на приступок крыльца, открыл дверь и закатил внутрь.

Мужчина, придерживаясь рукой за перилу вылез из кресла, закатил его под лестницу и с благодарностью посмотрел

на Соломона: «Спасибо, студент. Уж извини, за историю, что я тебе рассказал. Видел, что не понравилась. Но, если вдруг с ментами дело придется иметь. Всякое в жизни бывает, особенно по молодости. Не ведись, стой до конца», — и он протянул на прощание Соломону руку.

– Я все понял, – Соломон пожал руку и быстро вышел из подъезда.

Филимонов с Марусей сидели за столиком кафе Бургер Кинга, где они теперь всегда встречались обсудить дела, дожидаясь Соломона.

– Это он мне два часа назад звонил, – Маруся закончила пересказ истории Соломона о встрече с Ветровым и о том, что он не стал давать тому порошок, – Сказал приедет, расскажет все подробно. Ну, а что там с Огородниковым. Есть информация?

– Пропал ваш Огородников, – сделал сочувственное лицо Филимонов, – на следующий день, водитель, как обычно, подъехал к десяти часам к его дому. Прождав безрезультатно полчаса, поднялся к квартире, но верь никто не открывал. Огородников уже месяц жил один. Жена с внуками улетели на Новогодние каникулы во Францию. Водитель позвонил в службу безопасности универа, те вызвали полицию и вскрыли дверь. В квартире никого не оказалось. Все вещи были на месте, кроме академика. – Филимонов посмотрел на часы, – Но где же Соломон? Полчаса уже ждем.

В это время смартфон Маруси, лежащий на столе, тренькнул и засветился.

– Эсэмэска от Соломона, – радостно взяла смартфон Маруся и прочитала, – «Приехать не могу. Не ждите». Что это значит, – она растерянно посмотрела на Филимонова.

– Ну, позвони ему. Мне уже надо возвращаться в отдел.

Маруся набрала номер Соломона. «Абонент недоступен или находится вне доступа сети», – раздался монотонный голос автоответчика.

– Странно все это, – совсем расстроилась Маруся, – Может с ним что-то случилось?

– Маруся, прости, – Филимонов встал из-за стола, – Мне надо идти. Если что узнаешь, звони. И не переживай, Соломон он немного своеобразный, – и погладив Марусю по плечу, Филимонов побежал к выходу.

– Не немного, а много я бы сказала, – задумчиво произнесла Маруся. – И еще ведь этот порошок у него остался.

Маруся вошла в квартиру деда, куда Соломон переехал жить, сделав ей дубликат ключей от входной двери.

– Соломон, – негромко позвала она, проходя по коридору и заглядывая в комнаты. – Ты дома?

Она зашла на кухню и потрогала рукой чайник, стоящий на плите. Тот был чуть теплый.

– Значит, домой он заходил, – подумала вслух Маруся и увидела лежащий на столе записку, написанную рукой Со-

ломона. «Маруська, не волнуйся я уехал на дачу, по делам. Ложись спать. Не жди меня», – прочитала Маруся. «Какие у него еще могут быть там дела?», – недоуменно подумала она и попробовала еще раз позвонить ему, но телефон автоматически отвечал, что абонент вне зоны.

Постояв немного в раздумье, Маруся положила записку на стол и подхватив рюкзачок, решительно вышла из квартиры.

Доехав до вокзала, она купила билет на электричку, идущую в сторону дачи и где-то часа в четыре после полудня вышла на платформе Гудок. Небо затянуло сплошным серым, отчего казалось, что уже наступили сумерки. Не помня точно, где находится дача, Маруся подошла к стоящей внизу легковушке с фонариком «Taxi» и постучала пальчиком по затонированному стеклу, которое тут же опустилось и из салона выглянуло улыбающееся лицо таксиста в кроличьей шапке.

– Привет, Маруся, – весело произнес таксист.

– Откуда вы меня знаете, – удивилась Маруся.

– Я же Мишка Белорус, – стащил с головы шапку таксист, – Дорогу от снега расчищал неделю назад на вашей дачи, – А потом, тебя к электричке подвозил. Забыла, что ли?

– Ой, точно, вы, – обрадовалась Маруся. – А вы помните туда дорогу? А то я честно, забыла. Отвезите меня пожалуйста.

– Садись, – Мишка открыл противоположную дверку. – А ты чего одна, без кавалера своего? Или поссорились?

– Он раньше, один уехал, – неуверенно ответила Маруся.

– Ясно, – Мишка внимательно посмотрел на нее и включил зажигание.

Подъехав к даче, Мишка остановился у снятой секции забора, от которой в сторону дома вела пробитая трактором еще с прошлого раза, чуть присыпанная снегом тропа.

– Что-то света не видно, – всматриваясь в окна дачи произнес Мишка.

– Шторами, наверное, окна завешаны. Хотя нет, вон блеснул огонек в левом окне, – Маруся радостно указала рукой на неяркий лучик света, чуть пробивающийся в нижнем углу окна. – Сколько я вам должна? – и Маруся, порывшись в карманах виновато, посмотрела на него, – У меня только банковская карта.

Мишка открыл бардачок и порывшись, протянул Марусе визитку, – Возьми. Там внизу номер телефона, переведешь потом на него двести рублей. Иди. Я подожду на всякий случай.

– Спасибо, – Маруся выбралась из машины и увидела следы ведущие к дому.

– Он здесь, – радостно обернулась она к машине.

– Иди. Когда в дом зайдешь, тогда я уеду. Мало ли что, – ответил Мишка, закуривая сигарету.

Маруся, стараясь идти по следам, подошла к дому и зайдя на крыльцо, потянула дверь.

– Открыто, Миша. Все нормально, – крикнула она.

– Если, что звони, я приеду.

Маруся прошла наощупь через темную прихожую и вошла в зал, слабоосвещенный настольной лампой под зеленым абажуром, стоящей на невысоком комод у стены. В углу чернела дыра незажжённого камина и в доме было холодно.

– Соломон, – проходя по комнате, негромко несколько раз позвала Маруся, оглядываясь по сторонам. Но ответа не последовало. И тут она увидела, на полу, рядом с платяным шкафом брошенную куртку, джинсы и свитер Соломона. Дверца шкафа была чуть приоткрыта. Маруся подошла к шкафу и заглянув внутрь: «Соломон, ты здесь?». Она приоткрыла дверцу до конца и из шкафа сильно потянуло застарелым запахом нафталина. Одежда деда все также плотно висела внутри и только в одном месте появился небольшой зазор с двумя пустыми вешалками-плечиками, висевшими на перекладине.

– Он, что переоделся в одежду деда, – удивленно произнесла Маруся, снимая и разглядывая пустую вешалку, – Зачем?

Она внимательно оглядела комнату и быстро подошла к комоду, освещенному настольной лампой. Рядом с лампой лежал неровно вырванный тетрадный листок, на котором не очень разборчивым почерком Соломона было написано, – «Маруся, я знаю, что ты приедешь за мной на дачу, но меня здесь уже не будет. Мне нужно вернуться назад в 52-й. Я

должен исправить свою ошибку. Прости меня если сможешь. Ключи от дачи лежат на журнальном столике у дивана. Прощай».

Маруся еще раз перечитала записку и приподняла вверх лицо, чтобы не расплакаться и взгляд ее упал на старую, пожелтевшую фотографию в деревянной рамке, висевшую на стене над комодом. Она протянула руку, осторожно сняла фотографию и стерев рукой пыль, поднесла ее к лампе и стала рассматривать. На фотографии была изображена молодая пара, юноша в спортивной шапочке, держащий в одной руке лыжи, а другой обнимающий за плечи девушку в черном тулупе с погонями. Лицо девушки, было плохо различимо из-за спущенной на лоб шапки-ушанки с кокардой. А вот юноша был очень похож на Соломона. Маруся, повернула фотографию и прочитала хорошо сохранившуюся надпись на обороте, написанную синими чернилами, аккуратным почерком, – «Вот мы и расписались с моей Маруськой. Теперь мы муж и жена. 31 января 1952 года».

– Надо же, как они похожи с дедом, – произнесла Маруся, вешая фотографию на место. – Выходит, что бабушку Соломона звали так же, как и меня.

Она постояла еще немного, рассматривая фотографию, потом оглянулась и увидев журнальный столик, про который написал Соломон в записке, подошла к нему. На столике лежала связка ключей, а чуть в стороне стояла, та самая водительская аптечка с лекарствами деда.

– И аптечку деда привез обратно. – Маруся подошла к столу, взяла ее в руки и немного подумав, высыпала на стол содержимое. Потом осторожно, рукой, провела по горке с упаковками лекарств, раздвигая их, и вдруг оттуда выкатилась трубочка в прозрачной обертке и прокатившись по столу упала на пол.

– Это же кажется аскорбинка. – Маруся нагнулась и подняла с пола упавшую упаковку, которая точь-в-точь была похожа на ту, что Соломон привез тогда в квартиру деда.

Она вернулась к комоду и развернув верх упаковки поднесла ее к лампе. Мелкие буквы также плохо читались, зато отчетливо просматривались цифры года выпуска – 1952.

– Значит это такая же аскорбинка, – радостно воскликнула Маруся. – Нет, Соломоша. Теперь никуда ты от меня не денешься. – Она вытащила одну таблетку и оглядев комнату, увидела лежащую на полу одежду Соломона.

– Пожалуй мне тоже стоит одеться по их моде. – Она подошла к шкафу и стала раздвигать висевшие внутри вещи. – А вот и тот самый бабушкин тулупчик. – Она сняла с вешалки, черный тулуп с серым воротником и красными погонями, и скинув свою курточку, набросила его на плечи и прикрыв дверку шкафа, стала рассматривать себя в зеркало, закрепленное на фасаде дверцы. – Немного великоват, но зато теплый. А теперь еще что-то на ноги надо подобрать соответствующую.

Она снова открыла шкаф и присев, стала вытаскивая, рас-

смаатривать лежащую внизу обувь.

– Вот, кажется, то, что надо. – Она достала невысокие белые валенки, подбитые снизу черной кожей и привстав на цыпочки, заглянула на верхнюю полку, с головными уборами.

– Кажется и шапочку похожую нашла, – она сняла с полки серую зимнюю шапку-ушанку с кокардой впереди. – Похоже наша бабушка служила в полиции.

Маруся, надев шапку на голову и еще раз рассмотрев себя в зеркало, взяла валенки и вернувшись к дивану села и переобулась. Потом достала из кармана упаковку аскорбинки, вытащила одну таблетку и положив ее под язык, откинулась на спинку дивана и закрыла глаза.

P.S. Если вам показалось, что возраст героев повествования молодого и старого поколений не совсем соответствует арифметической разнице, вы правы. Автор вырезал небольшой временной период из жизни старшего поколения, в пользу основной сюжетной линии.